

УМИРАТЬ

не

СОВЕТУЮ

Светлана

Хорошилова

Annotation

Состоятельный хозяин дома, красавица жена, сын бездельник — я наблюдаю за ними со стороны. Кажется, они начали догадываться о моем присутствии.

Желание мести сделало меня одержимой, и день изо дня я хладнокровно строю планы: кто из них первым поплатится за мою смерть?

Мне хорошо знаком этот проспект...

Здесь лучшие магазины в городе — я часто останавливалась возле витрин и разглядывала модели, представленные на манекенах, соблазнялась на новинки... Бывало, мы назначали встречи в этом районе, на аллее, где полукругом стоят скамейки, и наблюдали за стаей воркующих голубей. Я кидала им хлеб...

Но те времена прошли. Теперь я иду по той же знакомой брусчатке босая, изучаю застывших манекенов и чувствую себя в порядке хотя бы от того, что способна передвигаться и ощущать, как кожу холодит дуновение ветра — я есть, я живу, я существую. Все куда-то спешат, а я разглядываю этот мир, людей в этом мире, пытаюсь угадать, что связывает их друг с другом, куда они бегут, о чём думают...

В отличии от них мне торопиться некуда. Я замедляю шаг, останавливаюсь — достаточно одной моей мысли, чтобы я почувствовала невесомость, закрываю глаза — слышу только удары своего сердца... Открываю: люди бегут, как прежде, но я наблюдаю за ними с высоты — они превращаются в поток, постепенно поток изливается в море, в свою очередь море впадает в океан и так до бесконечности... Месяцы, или годы — я точно не помню. Теперь не имеет значения сколько времени я наблюдаю за жизнью со стороны. Поверьте, раньше я не обращала на эту суету никакого внимания, тем более меня не интересовали мысли совершенно посторонних горожан — тогда я не всматривалась в их лица, они меня не волновали. Но всё изменилось в один роковой день.

С той минуты, когда захлопнулась дверь за спиной одного негодяя, который вторгся в наш дом, прошло ровно час пятнадцать. Я не отслеживала на часах пройденный промежуток времени, самый чудовищный в моём сознании... Я определила, когда телефон, брошенный мною на подоконник, отзвонил напоминанием, исполнил ненавязчивую мелодию из мира живых — за мгновение до внезапного вторжения этого монстра я выставила будильник, чтобы не прозевать удобный момент для выхода. Теперь было неважно куда...

За кухонным столом сидели двое: одна из них — я, напротив — моя сестра, и обе были мертвы... До сих пор витал запах жареного картофеля, приправленного специями — сестра умеет его готовить лучше, чем кто-либо. Мясная вырезка, запечённая в фольге по новому рецепту, давно остыла, я к ней так и не успела притронуться, не смогла оценить степень мастерства дорогой сестрицы в ходе кулинарного эксперимента. Мои руки свесились вниз. Всё это время я ломала голову — как ими пошевелить... Но я не могла.

На лице сестры застыла гримаса, похожая на улыбку. Это постоянное выражение добродушия всегда было её визитной карточкой, в данный момент оно наоборот относилось к таким понятиям, как послесловие, послевкусие... Я бы сказала: послесмертие... Она смотрела на меня полуоткрытыми глазами, касаясь щекой содержимого тарелки, и вместо упрёка её лицо говорило мне: не беспокойся, всё хорошо... Она смотрела не на мой обмякший труп со свешенной вперёд головой, а именно на меня, сидящую на полу у окна в состоянии неопределённости... Кажется, за эти час пятнадцать я прошла все этапы: сначала шок, потом отрицание собственной смерти, теперь — апатия, безысходность...

Три месяца назад она сообщила мне, что ждёт ребёнка от своего безответственного и незрелого бойфренда — значит в этой кухне нас было трое... Я безнадежно пыталась их реанимировать: её и зарождающуюся в ней жизнь, кричала, сотрясала мёртвое тело, но

ничего не сдвинулось с места, возможно, только её каштановые волосы разлетелись по сторонам от моих лихорадочных движений под воздействием приступа, вызванного одержимостью вернуть безвозвратное...

Несколько раз звонили телефоны: кто-то нас разыскивал. Я не стала подниматься, чтобы взглянуть: мне было не до них. Мой начальник, её не созревший, до сих пор сомневающийся дружок, а может банк с предложением кредита... Как мне им объяснить, что деньги нам больше не потребуются? Телефон на подоконнике маялся, по миллиметру съезжал на край, настаивал, чтобы его взяли в руки. Холодильник издавал клюкающие звуки, дребезжал, и снова всё стихало.

Я и она. Мы оставались в тишине. Обед давно покрылся белесым налётом, утратил вид первичной сочности, ароматного шедевра — в момент раскладывания по тарелкам я уже поела его глазами, а теперь он вызывал отвращение. Моя тридцатисемилетняя сестра мне всегда была матерью, старшая и заботливая, стремилась меня порадовать, заморачивалась с новым рецептом: продукты выбирала с любовью, складывала в корзину — я скучно катила её перед собой, а мысленно погрязла в работе... Вставила ключ зажигания, собралась трогаться, она — нет, стой, фольгу забыла! Ещё ждала минут тридцать, пока она сделает тот же крюк по гипермаркету...

Телефон на подоконнике вновь заёрзал, звонил кто-то нервный — мне это передалось через электронику или невидимый путь соединения. И вовсе не потому, что трещал он безостановочно, я ощутила вибрации там, в глубине, я перекинулась на огромную дистанцию, вплоть до внутренностей звонившего. Никогда за собой такого не замечала. Мне представилось, что я живу в пещере, слышу всё, что происходит за её пределами, чувствую запах приближающегося зверья... Нет, я не человек, я сама зверь, я улавливаю всех и вся, я больше не настолько никчёмна, как раньше...

В какой-то момент не выдержала: встала и подошла к телефону. Угадала — звонил мой начальник. Я прислонила несуществующий прозрачный палец к экрану, телефон по-прежнему умолял, палец проскакивал сквозь, в чёрную дыру. К моему удивлению с третьей попытки произошло соединение.

— Ты куда провалилась?! — Никто не слышал, одна лишь я, как он орёт. Телефон стал вибрировать в разы от одних его воплей. — Сколько я буду тебе названивать?! Ало! Ты меня слышишь? — Начальник отдела по работе с клиентами прорывался в пространство ещё совсем недавно оживлённой комнаты, в которой ели и смеялись, но сейчас в нём остановилось время и стало слишком спокойно.

Я медленно наклонилась щекой к экрану и попыталась произнести сумбурный набор фраз: позвони в полицию, меня убили, пришли кого-нибудь, или что-то в этом духе... Но шеф по-прежнему драл голосовые связки:

— Ты что там... пьяная в стельку?! Почему толком не отвечаешь?! Ты вообще где? Вероника твоя тоже не берёт! Вы что там оглохли обе?!

Пошли гудки. Экран продолжал светиться и в итоге постепенно затух. Скоро телефон совсем сядет: подходила к концу зарядка. Солнце тоже садилось — посуда, стоящая на полках: вазы, бокалы, сахарница, светились оранжевым отблеском. Закат добавлял тепла, с ним в помещении становилось уютнее. Я попробовала взять телефон, попыталась давить на кнопку — ничего не вышло. В результате оказалась опять на полу с ладонями, прижатыми к лицу. Всё, что было вокруг, теперь не существовало, мираж на расстоянии вытянутой руки, касаешься его — воздух, ничего нет. Я отчётливо осознавала, что из глаз льются слёзы, но

когда пыталась их смахнуть, на пальцах тоже не было ничего, ни капли влаги... Не было самих рук, только ощущение будто они есть.

«Слёзы не настоящие, — произнёс в голове зверь. — Ты больше не размазня, не бранный человечешко. Это та, что просидела в твоём теле двадцать семь лет, могла себе такое позволить, случись что. А ты невозмутима, ты безжалостна, ты уверенно владеешь собой. Хватит раскисать!»

Пока окончательно не стемнело, я приблизилась к зеркалу. В первую секунду даже отпрянула, испугалась — не сразу поняла чего именно... Разволновалась: то ли от радости — я увидела себя живой, значит, не всё потеряно, то ли от горя — такой в нём отражаюсь я одна, а бездыханная Вероника по прежнему сидит в той же позе. Её тело и в зеркале, и за столом было одинаково безжизненным. Разглядывая себя, стоящую перед зеркалом, я удивлялась: почему я кажусь невредимой? Почему на моём теле отсутствует кровь?

Вспомнила себя живую: смеющуюся, эмоционально говорящую — именно такой я была, когда отреагировала на странный звук из прихожей, дура, даже не дёрнулась, чтобы проверить. Нас отличало — меня той от теперешней, что тогда я улыбалась за обедом и продолжала улыбаться пока поворачивала лицо к убийце, продолжала улыбаться, когда в меня летела пуля...

Теперь я была такой жалкой, сгорбленной, осунувшейся, как в результате болезни, длительной болезни... На мне сказался удар. Сначала я внимательно разглядывала в зеркале своё лицо, на котором не было ни мимики, ни смены выражения, ничего, кроме застывшей в одном положении трагической гримасы, затем я начала искать отражение противоположного края стола, не попадающего в обзор. Я должна была удостовериться: где сейчас моё тело? Больше всего я боялась увидеть нас вместе: отражающимися и здесь, и там.

Мне пришлось изогнуться, прислониться к краю зеркала виском — виднелась наполовину тарелка, а дальше дверной косяк, скрывающий весь обзор. Тогда я опустилась вниз: с этого ракурса мне лучше открывалось подстолье. Луч заходящего солнца сместился, осветив скрытое пространство, и я разглядела собственные колени. Это были мои колени, ноги в голубых джинсах, которые были сейчас на мне. Я сидела и там, и здесь, и была ещё третья, та, что бродила по квартире, заглядывала в зеркала, пыталась отвечать на звонки. Кто же настоящая я: та, что свисает лицом к столу или Это — оно продолжает передвигаться, несмотря на повреждение, несовместимое с жизнью.

В квартире заселился мрак. Немного света проникало от окон соседнего дома и уличных фонарей. В окнах мелькали живые люди — не всё было зашторено, и я наблюдала, как двое с шестого этажа садятся ужинать. Она накрывает на стол, кладёт вилки, ножи... На расстоянии не ясно, что там у них в тарелках, возможно, мясо, не остывшее, без кровавых брызг... Смеются... В оконном проёме виден фрагмент небольшого, подвешенного к кронштейну телевизора — смеются над передачей. Он чем-то запивает, подливает ей. Такие счастливые...

Я обернулась к тьме. Очертания входной двери совсем исчезли во мраке, в прихожей остался лишь маленький блик — единственное пятно, частица уличного света, отражение в зеркальном полотне шкафа-купе. На столе и фасаде кухонного гарнитура разбросался узорчатый ажур от расшитой прозрачной занавески, которую Вероника купила и повесила на карниз пару дней назад. Занавеска шевелилась из-за дуновения ветра — он сквозил в щелевой треугольник приоткрытого окна, ажур начинал активно трепетать. По рукам и лицам, по всем светлым поверхностям, способным к отражению уличного света, пробегали

тени... На секунду показалось, как эти двое тоже шевелятся, подрагивают от холода... Ветер усиливался, занавеска взлетала в воздух, на мертвецах шевелились рукава, пряди Вероникиных волос колыхались.

Эти двое сидели за столом в полной тишине: я, склонившаяся над тарелкой, сестра — в тарелке головой. Запах специй сменился на кровавую вонь. Кажется, я ощущала привкус крови: она сочилась изо рта той, что сидела на стуле, хотя она уже не была мной, она была до боли родной, но уже не мной... Я долго разглядывала её, даже в полумраке. Мысли были бредовыми, начиная от желания быстрее застирать кровь на моих любимых вещах, пока она не въелась, заканчивая: я пропустила уже три таблетки для бросающих курить.

В темноте мне стало с ними страшновато. Оттого, что они сидели неподвижно, было не по себе само собой, но... вдруг кто-то из них поднимется с места? Тогда мне станет по-настоящему жутко. Я вспомнила фильм «Зловещие мертвецы» — название подходило к ним идеально, и холод — не тот, что дул из окна, пробрал меня насквозь до кончиков пальцев.

Всё началось с нелепого конфликта на дороге. Сестра, в отличие от меня, водила недавно, в тот день она была за рулём моего новенького Ниссана, я сидела рядом, потому как выпила в конце рабочего дня — был повод: сотрудница выходила замуж. Я уговорила сестру забрать меня, она работала неподалёку, и так получилось, что не я заехала за ней, как обычно, а она за мной, и соответственно домой мы поехали на моей машине.

Итак, я навеселе развалилась в непривычном для меня пассажирском кресле, словом, была не настолько внимательна, как стоило бы, посадив за руль человека без опыта. К тому же я успела проголодаться и с аппетитом поела треугольник пиццы, оставшийся с обеда. Попутно я, конечно, отдавала команды, руководила — когда притормозить, как перестроиться из ряда в ряд, но даже, покончив с едой, зависла с телефоном, разъяняя новому сотруднику тонкости нашей работы. До того парня я всё, что требовалось, донесла, до сестры не успела.

В какой-то момент она, плохо сориентировавшись, подрезала мчащийся по средней полосе серебристый Инфинити. Нас тут же обогнали, прижали к обочине. От безвыходности Вероника повиновалась, установила рычаг в положение «парковка». Руль, в который она вцепилась, ей казался защитой, она приклеилась к нему парализованными кистями намертво.

Из Инфинити вылетел взбесившийся крепкий мужик в тёмном костюме с расстёгнутым воротничком рубашки, без галстука, с взъерошенными волосами. К лицу его прилила кровь, на лбу блестела испарина, глаза, как у хищника. Первым делом он размахисто направился прямо к водителю. Я быстро выскочила из машины, устремилась ему наперерез — если бы не градусы в голове, вряд ли я была бы настолько смелой: выставила вперёд себя, чтобы он разбирался со мной, а не с сестрой в её то состоянии.

Дальше началась долгая разборка. Я извинялась, объясняла, что моя сестра новичок, рассказала о её деликатном положении, но тот не слушал, он твердил своё, размахивал руками и угрожал нам обеим. Из него изрыгались оскорбления, помноженные на пять, на десять, и я испытала чувство жалости: что же такого могло произойти с человеком, насколько плох был его день, раз он выдаёт настолько негативный обратный выброс? Жалость к нему рассеялась, сменилась жалостью к нам самим. Насколько невезучими оказались мы, попав под этот выброс? Всё дерьмо, что он в спешке куда-то вёз, было по дороге скинуто на нас, на случайных автолюбителей, ползущих с общим потоком на скорости, в рамках допустимого. У меня создалось впечатление, что я общаюсь с диким

животным, в ком заложен инстинкт нападения, и в то же время оно лишено разума. Он у меня ассоциировался с медведем. Наделённый силой, но не имеющий интеллекта, медведь будет вести себя так же. Странно, чем он заработал на дорогое авто, если никого не слышит, не видит и ни секунды не думает? Скорее всего физической силой. Возможно, благодаря ей он сколотил своё состояние. Вряд ли он сможет его удержать одной только силой...

Пару раз он грубо толкнул меня в плечо, сестра продолжала сидеть в машине, тряслась, как осиновый лист, а я продолжала её загоразивать. Вокруг начали собираться зеваки с направленными на нас камерами телефонов. Может это и к лучшему — пусть снимают! Мне то чего волноваться: я веду себя адекватно, извиняюсь, как могу, а этот мерзавец, если превысит допустимое, нарвётся, нам будет что показать.

Медведь разогнал их, заснял на свой телефон нас с сестрой и номера моей машины, затем прошипел мне в лицо: «Можете считать себя покойниками!» И так же энергично уехал. Если бы он куда-то не торопился, не представляю, чем бы закончилось разбирательство...

Правда, на тот момент оно ещё не закончилось, оно отсрочилось на другой день. Да разве я могла представить — ни в одном страшном сне, ни в одном кошмарном видении, что будет потом у нас дома... События, произошедшие в этой, ныне безмолвной, квартире, вышли за рамки нашего понимания, и речь шла не только о расправе над людьми — в какой-то степени подобное можно представить в нашей реальности. Самым шокирующим стало то, что происходило сейчас. Мы не верили в подобное, считали невозможным при всех неумолкающих разговорах о потусторонней жизни, о тех представлениях о ней, которые нам приходилось лицезреть с экранов телевизоров. Мы поражались историям о нематериальных субстанциях, предложенные многочисленными авторами и режиссёрами с богатым воображением, которые на самом деле и понятия не имеют куда мы попадаем после смерти.

Я тоже многое не понимала, знала только одно, что я, лишённая жизненно важных функций, до сих пор пребываю здесь. Я не чувствовала, что умерла — все ощущения и эмоции сохранились, более того, они преобразовались в нечто усложнённое. То, чего мне не доставало, добавилось. Что являлось лишним исчезло. Я находилась не в своём физическом теле, а оценивала происходящее со стороны. Если вспомнить, что со мной происходило в момент смерти — это было странное ощущение... Мне не с чем сравнить. Возможно, всё изменилось с той секунды, как в мою голову влетела пуля. Я её не почувствовала так, как должно быть, когда внедряется нечто инородное — хотя откуда мне это знать, но явно помню ощущение раскалённого металла и стекание жидкого по моей гортани. Ощущение мерзкое. Сознания я не теряла и продолжала всё слышать — как простучали удаляющиеся шаги и хлопнула дверь. Но то, какие ощущения пришлось испытать моему телу — не самое ужасное. Самое невыносимое происходило до, когда на моих глазах первой убивали Веронику, заменившую мне мать с девятилетнего возраста, а вместе с ней её не рождённое дитя — моего племянника, или племянницу.

Медведь прислал исполнителя, чтобы тот уничтожил нас — за недоразумение, за глупую оплошность. Наказание за наш неверный поступок — помеху на дороге в момент его передвижения вышло таким: нас не должно быть вообще.

В моей голове до сих пор звучал шквал злостной брани, извергающийся из охрипшей надорванной глотки. Перед глазами стояла его перекошенная от гнева физиономия: ноздри раздувались подобно парусам, кожа была натянута от перенапряжения, красная, блестела. Помню его дёрганные движения и размашистые руки, которые он выкидывал направо и

налево...

Я теперь поняла, что оказалась той крайней (оказались мы с сестрой), на ком медведь сорвал свою накипевшую злость. Не знаю, что у него произошло на самом деле, или он сам по себе просто конченный психопат... И только сейчас, растворяясь в ночном мраке, я, убитая горем, начала действительно осознавать, что же сегодня с нами произошло, будто стала трезветь после продолжительной пьянки. Ярость, какая сейчас вскипала во мне, была несравнима с нервным дёрганьем той свиньи, не поленившейся прислать к нам убийцу для расправы с нами уже на следующий день. Я начала понимать, что не отступлюсь. И неважно... какой бы бестелесной я не стала, ясно было одно: моих врагов уже не спасти.

Весь следующий день я пыталась что-либо предпринять. Для начала пробовала выйти на улицу — ничего не получалось. Дверь напоминала мне сейф: я билась в неё, царапала, хватала за ручку... Ну как же так? Ведь она не заперта, изнутри открывается всего лишь поворотом ручки, а я ничего не могу сделать... Окно! Я ринулась на балкон — на всех других подоконниках стояло множество горшков с фиалками, которыми Вероника дорожила, я побоялась их повредить. Балконные створки мне так же не поддавались; я прильнула лицом к стеклу и удручённо уставилась на оживлённую улицу, которая теперь стала для меня недостижима. Люди проходили мимо, заворачивались в плащи, придерживали раздувающиеся шарфы возле горла... Надо полагать, градус снизился, похолодало, а я стояла на бетонном полу босая и понятия не имела: зябко моим ногам, или хорошо, как было недавно, в последние деньки уходящего лета. О приближении осени говорили появившиеся на деревьях жёлтые листья — не замечала раньше таких мелочей, не могла позволить себе вот так растрачивать драгоценное время на подробное разглядывание городского пейзажа.

По тротуару ковылял с бадиком сосед по площадке. Шёл размеренно, привычно переставляя конец постукивающей палки с места на место с одним и тем же интервалом. Остановился, пропустил машину, вновь двинулся вперёд к нашему дому. Я начала истошно звать к нему, чтобы он поднял глаза, но нет... Сосед по-прежнему, не поднимая головы, приближался к подъезду, перед ступеньками достал ключи, прислушался — я в этот миг усилила крики о помощи; через несколько минут я услышала, как закрылся лифт и хлопнула дверь в квартире слева от моей.

Телефоны беспрестанно звонили, пока не разрядились окончательно. На еде, совсем потерявшей товарный вид, начали скитаться мухи, они нахально обшаривали и тех, кто склонился над столом. Тела сидели на местах. Кажется, я уже привыкла к ним, даже поймала себя на неожиданных, случайно вырвавшихся словах, обращённых к Веронике. Заняться мне было нечем. Я могла бы отвлечься просмотром телевизора до тех пор, пока нас обнаружат, но пульт меня не воспринимал, как, впрочем, и всё остальное.

В какой-то момент я, нервно взметавшись по квартире, опрокинула стакан с соком, в котором плавала муха, а потом я стояла, застыв в одном положении и удивлённо наблюдала, как сок стекает со стола, перемешиваясь с кровью. Я встрепенулась и начала пробовать сбивать с мест другую посуду... Снова — ничего. Это единственное, что произошло, возможно, из-за движения воздуха, который я взволновала (соединение с начальником я признала случайным, с каждым такое бывало, техника, что называется, глючила). После я так же в оцепенении наблюдала, как опрокинутый стакан очень медленно покатился на край стола, полежал, подумал и улетел вниз. Раздался звон. Теперь, помимо прочего кровавого хаоса, царящего на нашей, некогда отмытой до блеска, кухне, добавились осколки. Пришлось через них перешагивать — кто-то должен будет всё убирать.

Теперь я засомневалась в случайностях, и стакан уже был не единственной шаткой, не устойчивой, поддавшейся моим бестелесным усилиям материей, следом за ним в замедленном темпе прикрылась дверь — отражение кухни в зеркале исчезло. Исчез и залитый кровью натюрморт, я оказалась по ту сторону двери, больше она мне не поддавалась. Отрезанная от кухни, я стала ощущать себя в ограниченном пространстве. Зал-балкон-коридор — всё, что у меня осталось, дело не в малой площади, мне не хватало этих трупов, без них я считала себя неполноценной, только что отрезанной от пуповины. Я была привязана к ним, и кто знает — увижу ли их ещё, а если увижу — надолго ли...

Ближе к вечеру в дверь позвонили, не дождавшись ответа, вставили ключ в замочную скважину и начали вертеть туда-сюда. Я сразу напряглась. В дверях показалась Катя, наша двоюродная. Нет, только не она, разволновалась я. Катя — студентка сродни парниковой мимозе, я не могла представить, что будет, если она приблизится к месту бойни, войдёт и увидит нашу кухню.

— Ни-и-ка-а! — крикнула она, разуваясь. — Софья, Ника, вы дома?

Катя двинулась по коридору настороженно, не спеша. Ей никогда не приходилось пользоваться ключом, что мы ей дали на непредвиденные обстоятельства, и теперь это случилось, такие обстоятельства настали — мы не отвечали на звонки вторые сутки. Она заглянула в гостиную и убедившись, что там никого нет, вежливо постучала в дверь спальни.

— Софья, Ника! Ау!

На её лице, вызывающе накрашенном в молодёжном стиле, проявлялся лишь интерес, оно не выглядело обеспокоенным, встревоженным. Катя знала по себе, что существует масса причин, по которой люди молчат, не отвечают на звонки. Бьюсь об заклад — это родители надоумили её проехать через весь город, уставшую после работы и подготовки к новому семестру, проверить, почему мы не отвечаем, не случилось ли чего... Её мать, наша тётя, вечно сеяла панику и каждый раз по пустякам, созванивалась с кем-нибудь из нас ежедневно, и, если мы обе не отвечали поднимала шум. Для неё мы были сиротками, радо потерявшими мать (в какой-то степени и отцов), и её чрезмерная опека, начиная с моих девяти лет, до сих пор не прекращалась. Абсурд в данном случае состоял в том, что в этот раз она была права на все сто.

Во второй комнате Катя так же никого не обнаружила, тогда она направилась по коридору в сторону кухни, задержав внимание на Вероникином телефоне, стухшем на комод.

— Остановись, не ходи туда! — наивно надеялась я, что она услышит, препятствовала движению, мельтешила, преграждая ей путь. — Тебе не надо этого видеть! Не надо на это смотреть!

Катя уже насторожилась, значит, что-то почувствовала, сморщилась, уловив неприятный запах. Шаг её замедлился, а дальше она просто толкнула дверь.

В первые секунды она замерла — Катя всегда долго соображала, и чем сложнее был случай, тем больше ей требовалось времени, чтобы мозг обработал полученную информацию. Но после я стояла и смотрела, как лицо двоюродной сестры искажается в гримасе величайшего ужаса, грудная клетка вбирает глубокий вдох и из лёгких вырывается истошный крик. Этот крик оказался подобием землетрясения: его услышал весь дом.

Кате стало дурно, она отпрянула назад и привалилась всем весом к мебели в коридоре. На площадке за дверью послышалась возня, кто-то начал звонить, затем стучать... Я не могла просто безучастно стоять, возможно, со временем привыкну, но сейчас я пыталась хлестать потерявшую сознание Катю по её бледным щекам. Когда она открыла глаза, мне показалось, что она смотрит именно на меня, а не водит растерянно зрачками по пространству. Затем её губы зашевелились:

— Сонь... ты...

В железную дверь звонко задолбили, теперь не костяшками пальцев, по звуку я определила — это бадик соседа. Катя уже не фокусировала на мне внимание, она цеплялась за одежду на вешалке, тянулась к двери, чтобы её открыть. Ручка поддалась, Катя на ней повисла. Сосед удивлённо уставился на неё, но девушка не могла объяснить ничего внятного. Он проковылял внутрь нашей квартиры. Экспозиция двух девушек, сидящих за обедом, вызвала в нём не такую шоковую реакцию. Сосед даже приблизился и заглянул в зрачки. Ему было неприятно, но не до обморока. Той же рукой он полез в карман за телефоном, сухо бросив Кате: ничего не трогай.

Я примостилась на спинку дивана, поджав под себя ноги, чтобы не мешать приехавшим на вызов оперативникам выполнять свою работу. Ещё никогда наша квартира не была такой оживлённой, ни в один праздник столько народу здесь не топталось. Они копались в наших вещах, разглядывали фотоальбомы, снимали отпечатки... Пару раз я в бешенстве соскакивала со спинки, когда брали в руки наши сугубо личные вещи, но потом возвращалась назад: моё разрешение, оказывается, никому не требовалось. Катя всхлипывала в спальне, её успокаивала соседка, жена хромого инвалида. Только сегодня я заметила, наблюдая за соседом, что он не так прост, увидела, что чувствует он себя в такой обстановке, как рыба в воде. Конечно я догадалась, кем он работал до отставки. Версии, выдвинутые им, были близки к истинному положению дел — кто-то из нас кому-то перешёл дорогу, но другие участники расследования склонялись к тёмному прошлому в нашей семейке, правда, к какому я понятия не имела.

По коридору понесли накрытые тела. Не помню, почему я побежала вслед за носильщиками, вероятно считала себя привязанной к этим бранным пустым оболочкам. Меня порадовало, что я могу спокойно передвигаться, если двери передо мной открывали живые люди. Пока я сидела на спинке дивана размышляя, то вдруг подумала, что мне придётся жить в этом месте целую вечность: я буду душить по ночам новых жильцов, греметь цепями, медленно открывать со скрипом двери, сбивать со столов посуду... Но то, с какой лёгкостью я оказалась на улице прояснило: в это место я не вернусь. Мне нужно разобраться: на что способны такие, как я, могут ли они влиять на жизнь живых?

Я чуть было не запрыгнула с телами в служебную машину, хорошо, что помедлила — дверцы закрыли прямо перед носом. Тела отвезут в морг — это хуже нашей квартиры, делать там абсолютно будет нечего. Я итак еле перетерпела ночь с двумя покойниками, а тут целое учреждение для жмуриков. А если придётся смотреть, как меня вскрывают, вытаскивают внутренности, которые я так берегла... Как оказалось, напрасно. Мне не легко далось решение бросить курить — я беспокоилась о сохранении здоровья, а не для того, чтобы наблюдать после смерти, как, раздвинув рёбра, достают мои качественные лёгкие. Когда машина удалялась, я заплакала. Не думала, что это будет так болезненно, будто меня рвут на части. Умирать не советую...

Столпившиеся зеваки начали расходиться, оставив меня стоять в одиночестве посреди дороги. Свет на улице был другим, не таким, как при жизни. Мне казалось, я смотрю на мир сквозь солнечные очки, с лёгким затенением. Ветер, тот, что скручивал занавеску в моём доме, гулял и здесь. Люди проходили мимо, пытаясь удержать распахивающуюся одежду на груди, придерживали волосы, чтобы не разлетались, но меня ничто не теребило. Это был не мой ветер, не из моего мира... Погода вокруг портилась, а я всё время ощущала комфортную температуру — такая бывает летним вечером у моря в последние минуты заката. Отдалённый гул от автострады, расположенной за соседними домами, напоминал шум прибора.

Я и сама не заметила, шагая босиком, как очутилась далеко от дома, всё время куда-то шла. Глянув на свои босые ноги, вдруг ощутила себя разутой, умалишённой, сбежавшей из клиники, но ноги не жаловались, им было нормально, они нисколько не запылились. Мне стало интересно, и при этом я усмехнулась: мой внешний вид оставался тот, что был застигнут в момент расправы, значит, ворвись убийца часом раньше, когда я принимала душ, мой фантом бродил бы по улицам голым? Может поэтому в народе ходят разные байки, что мёртвого надо хоронить правильно одетым. Безногим и то вкладывают в гроб тапочки, а бывает, что передают через другого мертвеца, дескать, ему или ей забыли положить, пускай передаст. Разные слышала истории. Хотела бы я сейчас получить свои кроссовки, не привыкла я ещё без них, не освоилась должным образом.

Мост был бесконечно длинным, внизу блестела вода. Я только тешила себя иллюзией, будто иду вдоль берега лазурного моря, на самом деле понимала — это плескающаяся промеж свай грязная речная вода. От неё разлило запахом тухлых водорослей вперемешку с илом — не той прозрачной рекой, что шумит течением в лоне природы, а именно городской рекой в мрачных бесцветных тонах. Резким порывом ветра понесло над водой пустой целлофановый пакет, на миг он взметнулся и прилип к её зыбкой поверхности. Люди закончились, их распугал накрапывающий дождь. Остались одни автомобили с зажжёнными фарами. Я даже не заметила, как зашло солнце.

В середине моста я остановилась. Идти было некуда. Мне стало нестерпимо больно от одиночества, я была совершенно одна, пленницей на свободе. Былой мир по чужой воле обернулся проекцией, теперь ты — зритель и не больше: смотреть можно, пользоваться нельзя. Мне стало больно и от отсутствия рядом Вероники, мои друзья мне больше не смогут составить компанию за бокалом коктейля, родной отец — не Веронин, мой, с которым у меня были вечные разногласия, не сможет поучать меня — это я так считала, я осознала, что не поучал, он только пытался уберечь от опасностей. А я была упряма, как ослица, огрызалась, вдалбливала ему, что жизнь теперь другая, в которой он ничего не смыслит, одним словом, устарел. Сейчас мне захотелось ему набрать, посетовать на случившееся,

рассказать всё, как было и донести до него: я по-прежнему рядом, я живу...

Больше всего я не понимала, почему до конца не умерла. Моя сестра, или её астральное тело куда-то переместилась, а я до сих пор пребываю здесь, среди людей, и кроме меня, по крайней мере в диапазоне трёх микрорайонов, такие, как я, не скитались. Мне бы не составило особого труда отличить нормального человека, несущегося по улице с телефоном под ухом, от зомби в одежде не по погоде, с пустыми обвислыми руками и глазами ошалелого туриста, которого водят по экскурсионному Бухенвальду.

В момент этой острой душевной боли я, склонившись над чёрной водой, решила попробовать добить себя до конца и перелезла через ограждение. Пальцы сжимали грязный от выхлопов парашют, мышцы ног и рук деревенели, а я колебалась, взвешивала последствия. Куда попадают самоубийцы из мира мёртвых? В небытие, в определённый таксон самоубийц второго ранга? В любом случае терять мне было нечего. Раздосадованная, что сделала выбор не в пользу мести — наверно, не верила в возможность её осуществления, я всё-таки разжала пальцы. Падение превратилось в парение. Гравитация существовала только в моём сознании — в моём новом мире законы физики уже не действовали. Невидимое тело, которым я управляла неумело, как на первом уроке вождения, коснулось воды без малейшего плеска, после чего провалилось в глубину.

В конце августа вода должна быть прохладной, но не для меня. Я парила под водой с открытыми глазами: кадр был однообразным — тёмная муть. Теперь я так же успешно существовала в водной среде, словно Русалка, и ничего не менялось. Потеряв терпение, я начала двигаться вверх, всплыла на поверхность и взяла курс к ближайшему берегу.

Под мостом было темно. Сколько я здесь просидела сказать сложно. Одежда, которая по ощущениям по-прежнему прикрывала моё тело, даже не намочила и не налипла на него. Внезапно за спиной я услышала шорох и тихие голоса. Два наркомана шарились в темноте, подыскивая место поудобнее. Они прошли вплотную мимо меня — я отпрянула от их зловония. Это ещё одна появившаяся способность, то, что я стала остро улавливать все запахи, будто хищник, чья жизнь состоит из ежедневной охоты.

Изучая новый мир я слишком увлеклась и отбросила на дальний план причину своего нынешнего состояния, забылась. Возмездие — вот, что задержало меня на этом свете и казалось единственным, что могло утешить. Пора перестать уничтожать себя, заняться делом и довести его до конца.

Наркоманы устроились возле бетонной опоры. Я решила испытать на них: как у меня теперь получится физически влиять на живых людей. Обычные движения, с помощью которых я пыталась к ним прикоснуться: удары, пинки, толкание, не приводили ни к чему, и я осознала свою беспомощность. Торчки раскурились, а я всё пыжилась, гвоздила их ногами и орала одному из них прямо в ухо:

— Я убью тебя, сволочь! Я доберусь до всех вас! Ненавижу тебя, тварь!

На месте того наркомана я представляла человека, чьего имени даже не знала. В мою память намертво врезались его лицо и автомобиль, номера которого я к счастью успела запомнить. Торчки над чем-то посмеивались, им было хорошо в сухой тени бетонного моста: за его пределами уже всюду тарабанил дождь. Они поочерёдно затягивались: в темноте то и дело загорался огонёк от набитого косяка. Глядя на них, я начала философствовать: кем лучше быть — живым торчком или полумёртвым трупом? Прыщавый продолжал едко посмеиваться над пенсионеркой, у которой он выдернул из рук сумку с хорошим уловом.

— Ушлёпок! — крикнула я со злости, в этот раз не экспериментируя, а обращаясь

именно к прыщавому. Выражение лица того, в отношении кого я сейчас распалаясь, изменилось... Сначала он протянул корешу косяк и, когда тот его принял, вдруг внезапно набросился на него, схватив за горло. Я наблюдала, как он его душит не удивляясь. В таких кругах под воздействием допинга может пережмуть в любой момент. Но прыщавый, сдавливая горло приятеля, произнёс слова, основательно перевернувшие моё сознание:

— Как ты меня назвал?

— Ты чего-о, Каба-ан? — хрипел кореш.

— Ты сказал: ушлёпок? — Прыщавый стискивал зубы с пеной у рта. — Ты обозвал меня ушлёпком, сука?

Второму удалось из последних сил отбросить нападавшего.

— Что за дерьмо?! — Тот уставился на прыщавого, пытаюсь отдышаться и откашляться. — Кабан, тебя реально клинит! Чуть не задушил!

Я больше не могла составлять им компанию и решила покинуть это место, карабкаясь вверх по скользкой тропинке. Мне хотелось взлететь, но моё сознание помнило, что мне не позволит это сделать гравитация, оно же вбивало мне: раз льёт дождь — значит под ногами должно быть скользко. Поднявшись на дорогу, я запыхалась. Странно наверно выглядит запыхавшийся призрак...

Прямо по курсу горел заманчивыми огнями новый многоэтажный дом в красивом архитектурном исполнении — всегда мечтала побывать внутри, ещё на этапе строительства. Мечтала, чтобы мы с Вероникой когда-нибудь поселились в нём, я даже интересовалась планировкой и метражом, хотя прекрасно знала: жильё в этом доме нам не потянуть — слишком заоблачные цены. Здание меня примагнитило к себе, я уже стояла прямо перед ним и рассматривала окна — горела малая часть, дом только заселялся. Должно быть, в каждой заселённой квартире свой интерьер, один шикарней другого. Зайти бы взглянуть...

У первого подъезда припарковалось авто: дворники стихли, погасли фары. В темпе выскочил молодой мужчина, лет тридцати, пикнул сигнализацией, затем, съёжившись от ливня, устремился в подъезд — я не упустила такую возможность и юркнула вместе с ним. Дверь за нами плавно закрылась. Только он хотел нажать кнопку лифта, как погас свет — мой спутник выплеснул проклятия на матерном диалекте, от которых у меня сразу завяли уши.

Пока мы ждали с ним в темноте налаживания ситуации, я стояла и гадала: не на меня ли отреагировала электрика, может я источаю особые волны, из-за которых она выходит из строя? Если бы я умела, запустила бы электричество снова, только не знала как... Он достал телефон, начал подсвечивать. Я удивлялась его утомительному ожиданию — ведь молодой, давно бы поднялся по лестнице... Оказывается, речь шла о последнем этаже. Со страшной неохотой он всё-таки начал подниматься, тяжело вздыхая и проклиная виновных, бормоча себе под нос недовольства. Я поднималась вместе с ним, мне было не сложно, я не ощущала и капли физической нагрузки, моментами поджидала, когда он меня нагонит.

Жилец наконец добрался до своего этажа, достал ключи, постоянно подсвечивая телефоном, вошёл — я вместе с ним. В эту секунду подали свет — он выругался и по этой причине, психованно ударил в стенку шкафа, жалея напрасно потраченные при подъёме усилия, злился, что не стал дожидаться, затем скинул куртку, разулся. Мои глаза начали изучать интерьер — да, сбывлась мечта идиотки, я оказалась внутри, но теперь-то мне нафиг было надо... Я видела, как он толкает дверь спальни и откровенно удивляется — пришлось подойти к нему, чтобы узнать — чему.

— Ты зачем пришла?! — Он вопросительно уставился на девушку, поднимающуюся с кровати, заспанную, в одежде, видимо, она прилегла в ожидании. Хозяин включил в спальне свет, отчего она прикрыла рукой глаза. — Я просил тебя кинуть ключи в почтовый ящик, а не открывать ими! И не надо было здесь хозяйничать! — Последнее он произнёс оказавшись в кухне, где обнаружил накрытую тарелками еду, приготовленную девушкой.

Свет погас снова.

— Как вы задолбали уже! — Хозяин полез в шкафы, через минуту щёлкнула зажигалка и начала разгораться свеча — он разместил её посреди стола.

— Сделать тебе чай? — Непрошенная гостья, разозлившая его своим появлением, пыталась быть максимально любезной.

— Не тупи! — рявкнул он в ответ. — У нас дом на электричестве.

Оба присели за кухонный стол напротив друг друга — мне это напомнило нашу недавнюю кухню, лишённую жизни, в которую я больше не вернусь.

— Ну что, так и будем сидеть?! — каждое его слово с самого начала было дерзким, как у той свиньи, и, разумеется, началось выяснение отношений, из которого я мало чего поняла. Девушка за время отношений делала всё не так, сейчас она пыталась оправдывать свои поступки, за что-то извиняться, умолять, обещать... Но я уловила главное: она его бесила сама по себе, что бы она не делала, просто бесила. Мне захотелось бежать из этого дома, я успела устать от его жителей. Откройте мне дверь, выпустите меня наружу!

— Да не нужна ты ему! — подошла я к ней и крикнула в ухо, которым она всё равно не слышала. Она не слышала не только меня, но и себя. — Не нужна говорю! Беги от него, забудь, и он тебе не нужен... козёл такой! Ты на него посмотри — хам! Слышала, как он тебя обозвал — овца тупая?! И чего ты от него ждёшь? Вызывай такси, да вали отсюда!

— Где ключи? Давай сюда! — Он вынул её достать ключи из сумочки и положить на полку, затем распахнул перед ней входную дверь. Пара стояла в полумраке в прихожей, довольствуясь тем светом, что им давала свеча, оставшаяся на столе.

— Лифт не работает, — предупредил он в последний момент, считая её недалёкой, раз не сообразила, что чай вскипятить не получится. Девушка медленно вышла, морально убитая, потерянная. И я вместе с ней.

Куда она пойдёт? Довольно-таки поздно, дождь продолжается — я слышу его за стенами. Девушка начала спускаться по лестнице, споткнулась, чуть не упала... Держась за перила, постояла, подумала, снова двинулась вниз. Мы обе очутились на улице.

Она всё время шла впереди, без зонта, поливаемая дождём, и я испытывала к ней жалость. По дороге я думала ещё об одном: при жизни я становилась свидетелем чьей-то частной жизни только тогда, когда её участники сами того хотели, когда они нуждались в помощи, совете или им не терпелось выговориться. В новом состоянии я могла вторгнуться в любую семью и узнать самые сокровенные тайны, любые пикантные подробности, я могла собрать информацию о каждом — тут снова перед глазами возник мой кровный враг... Новая возможность давала мне преимущества. Мне стало импонировать моё теперешнее состояние.

Спутница прибавила шаг и куда-то улизнула, пока я, задрав голову, сквозь завесу ливня изучала вывеску ночного заведения. Достаточно дорогой стрип-клуб, всегда хотела в нём побывать, но женщин сюда не жаловали, для них даже вход был платным и недешёвым. Я вошла с посетителем абсолютно бесплатно, начала прогуливаться от столика к столику, разглядывая присутствующих.

В стрип-клубе я провела всю ночь. Устроившись на сцене в тёмном углу, я скучая наблюдала за танцовщицами, периодически продолжая рассматривать посетителей в поисках определённого лица. Нет, не лица — медвежьей морды, лишившей меня полноценной жизни, отнявшей у меня самое дорогое...

Я пропустила ещё шесть таблеток для бросающих курить. За столиками дымили, а меня совершенно не тянуло, несмотря на то, что я в сущности успела выпить только одну единственную... незадолго до смерти. Чтобы легко и быстро избавиться от пагубных привычек, надо всего лишь умереть.

Когда рассвело, я вышла на улицу с кем-то из персонала. У входа ожидало такси. Я услышала, как одна из официанток проговорила маршрут следования, и в последний момент я сообразила, что поедут они той самой дорогой, на которой мы впервые столкнулись с медведем. Таксист давил на педаль газа, когда я заскакивала на автомобиль сверху, хватаясь за рейлинги. Поначалу у меня сжималось в груди от экстремального передвижения, пока я не осознала, что лечу, словно на дельтаплане. Разница была лишь в отсутствии сопротивления ветру. Мой новый мир походил на вакуум.

Под колёсами вздымались волны грязной воды: таксист гнал на приличной для города скорости. Настолько рано, да ещё в субботу, так ехать ему ничто не мешало. Но я всё-таки набралась смелости и не дожидаясь остановки прыгнула на ходу в том участке дороги, по которому проезжал мой убийца. Приземление оказалось неощутимым, будто я с одного облака перескочила на другое. Я, конечно, предполагала, что медведь мог вообще проезжать здесь единожды. Других планов у меня пока не было, и я расположилась прямо у дороги, чтобы терпеливо ждать. Когда-нибудь он проедет — среди потока многочисленных жестянок мелькнёт его серебристый Инфинити, если он не меняет машины как перчатки.

Так я провела две недели — судя по смене дней и ночей, прилепившись к бордюру неподалёку от светофора. Я вглядывалась в каждый автомобиль серебристого цвета. Моё зрение ещё никогда не было настолько зорким, особенно в темноте. Пока ждала, анализировала свою новую форму жизни. Тело моё не питалось, но я хотела бы вспомнить вкус любимой еды, возможно, об этом мечтало моё сознание.

Мне стало интересно: как идёт следствие? Может медведя арестовали, и все мои ожидания здесь напрасны? Надо было ехать со следователем и жить в его кабинете, торчать там целыми сутками, присутствовать на допросах, тогда я знала бы все детали расследования по моему делу. Я вспомнила о телах. Зря я к ним не прилепилась — побывала бы на собственных похоронах, понаблюдала бы и узнала, кому я действительно была дорога... Всё это — пустая трата времени. Не моего — у меня этого времени валом, а той свиньи, оставшейся в миру, которой отведён определённый срок — я хотела бы его сократить, и как можно быстрее.

Серебристый Инфинити остановился на светофоре через три полосы от того места, где я дежурила. Моё несуществующее сердце энергично забилося, готовое вырваться наружу, я замерла на одном месте, вытянулась, словно сурикат, высматривая кто внутри. За рулём сидел незнакомый человек. Сейчас это было неважно — радовала любая зацепка. На двух полосах с моей стороны продолжалось движение — я не знала, как мне его пересечь. Я взметалась вдоль дороги. Светофор, регулирующий ближние полосы, переключился на жёлтый, сейчас эти остановятся, поедут те. Как только машины притормозили, я ринулась через дорогу. При жизни такими действиями я привлекла бы всеобщее внимание, мне начали бы сигналить, визжали тормоза, но теперь можно делать всё, что угодно... Я совершенно свободна!

Пришлось постараться, чтобы вскарабкаться на более высокий автомобиль. Он уже ехал, когда я брюхом ползла по крыше, придерживаясь за рейлинги. Мне не терпелось заглянуть в окна. Я подползла к лобовому стеклу и свесила голову. Водитель никак не реагировал. Ещё бы... Меня же нет. Но тут в глубине салона мелькнули белые листы бумаги. Я вгляделась:

свинья сидела там. Мой убийца копался в документах и понятия не имел, что его сейчас в упор разглядывает та, кого он на днях не задумываясь лишил возможности жить, та, кому он должен. Представляю, какой бы его охватил ужас, если бы меня сейчас стало видно... Спать он смог бы только с приличной дозой снотворного.

Мы выехали за город. Уже стемнело, когда перед нами открылись автоматические ворота, и машина подъехала ко входу в трёхэтажный особняк с эркерами и дизайнерским топиарием на прилегающей территории. Повсюду горели массивные фонари.

Свинья вылезла из машины и направилась в дом. Незнакомый мужчина, что был за рулём, высадив пассажира сразу куда-то уехал. За время поездки я убедилась — это был водитель-профессионал, ездил он первоклассно. Если бы в тот день за рулём был он, а не его психованный работодатель, то ничего бы не случилось. В тот день за руль захотела сестра свинья. Я начала понимать, что моя неопытная сестра была тут ни при чём. Этот нервный мчался по дороге, как по взлётной полосе, а тут на пути какое-то препятствие...

Я быстро сориентировалась и заскочила внутрь вместе с ним. Всё моё внимание было приковано к этой персоне, и я даже толком не разглядела убранство особняка и людей, попадающихся на пути. Мы оказались в кабинете. Нервный сразу закинул бумаги в сейф, и только потом, сменив деловую задумчивую гримасу на расслабленную физиономию, перевоплотился в семьянина, хозяина, вернувшегося в свою обитель, чтобы узнать, как обстоят дела в его свинской норке.

Он направился в гардеробную, где переоделся в тёмно-синий халат, затем в столовую, где уже начали накрывать стол — смугленькая горничная подала горячее на одну персону, спросила, не желает ли хозяин ещё чего и удалилась. Я расположилась с ним за одним столом, внимательно наблюдая, как он приступает к ужину. Во мне всё кипело. Тот, кто сейчас был передо мной на днях приказал совершить расправу над двумя беззащитными женщинами, а теперь сидит и жрёт как ни в чём не бывало. Он подавился, откашлялся.

— Вкусно? — вырвалось у меня. — Дайка гляну, чем там тебя сегодня кормят! — Я встала и пересела на один из ближайших к нему стульев. — А-а... Мясо, овощи, картошка...

Я подложила кулак под подбородок и стала пристально наблюдать за действиями моего врага. Он продолжал распиливать мясо ножом и забрасывать в глотку, а я продолжала смотреть. Не удержалась, изъявила желание:

— Дайка попробую!

В составе сервировки были другие вилки — я взяла одну из них, отделила кусок мяса, затем кусок спаржи, отведала. Отломанные куски исчезли лишь в моей голове, а свежий взгляд показывал, что всё осталось на местах. Надо сказать, я ощутила вкус еды в полной мере. Тогда я плеснула в бокал аперитив, рядом стоящий, и выпила залпом.

— Уф! То, что надо! — произнесла я. Моя вилка потянулась к отварному картофелю, обсыпанному паприкой, и его вкус меня вполне устроил.

— Скажи своему повару, — продолжала я жевать и говорить одновременно, — картофель можно сначала пробороздить вилок, затем смазать сливочным маслом, затем обсыпать паприкой, а не так... припудрили на отмахнись! Будет выглядеть очень аппетитно — моя Вероника всегда так делает. — Я осеклась. — Делала.

Человек, имени которого я до сих пор не знала, доедал последний кусок. На меня он не бросил малейшего взгляда. Вот именно, пустое место, подумала я про себя. В столовую вошла горничная с подносом, на котором был сервирован чай. Аккуратно выставила заварочный чайник и чашку, тарелки забрала.

— Пожалуйста, Олег Маратович! — сказала прислуга и опять удалилась.

— Значит, тебя зовут Олег... — произнесла я, — Маратович. Ну теперь знаю для кого хлопотать местечко в Аду. Ты пока, Олежек, готовься... Рано или поздно я найду способ как тебя туда отправить. Мы теперь с тобой связаны воедино, как сиамские близнецы — куда ты, туда и я. Ты хотел от меня избавиться, а получилось наоборот — прилепил к себе крепко накрепко. Мы с тобой теперь будем есть за одним столом, спать на одной кровати... Кстати, ты женат? Хотя не имеет значения — втроём будем спать. Ну что, наш ужин завершился?

Медведь взял салфетку, протёр губы, скомкал её, швырнул, вылез из-за стола. Не спехом направился... куда же он теперь идёт... — к массивной представительной двери. Я с ним не стала входить, заметив внутри унитаза. До чего докатилась, подумала про себя, стою и караулю возле туалета собственного убийцу, слышу, как он кряхтит, смывает, затем шумит кран.

Когда он выходил я смотрела на него дикой ненавистью — ненавидела больше за то, что теперь вынуждена ждать его, пока он удовлетворит свои человеческие потребности. Человеческие — это громко сказано, так как речь шла о ком угодно, только не о человеке.

Моей целью были секреты его дома, но до сих пор я не выведала ничего существенного, что могла бы использовать для реализации своего плана.

Я сопровождала его в спальню. Пока он мылся в душе, совмещённым с ней, ходила разглядывала вещи — женщина у него есть, кругом видны следы её пребывания: сумки, женские духи, украшения. Судя по вещам женщина довольно-таки молодая и современная. Я попробовала выдвинуть ящик комода — не получилось. Решила прилечь на кровать, застланную чёрным шёлковым комплектом с множеством подушек, больших и маленьких. Немногим погодя из ванной выплыл мой сиамский близнец, вытирающий голову полотенцем — в одних трусах. Когда он повернулся ко мне другим боком, я заметила уродливые шрамы на его теле. Затем он улёгся на кровать прямо рядом со мной, погасил светильник, приготовился спать.

— И всё? — спросила я. — Скучный у тебя вечер. А где твоя вторая половина? Отдыхает на Барбадосе? А-а, где ж ещё... — Я несла всякую чушь, затем перевернулась на спину и уставилась в потолок. Начала делиться с ним соображениями: — Сказал бы мне кто неделю назад, что скоро я буду вот так лежать в богатом доме с богатым мужиком в одной постели — хоть ты и старый, но это ничего, не страшно... Да ещё ужинать с ним мраморной говядиной, да пить элитный алкоголь и кататься на Инфинити... У-у-у... Ни за что бы не поверила! Ты спишь? — Он перевернулся с боку на бок. — Вообще поражаюсь, как такие, как ты, спят! Неужели тебе не снятся те, кого ты отправил на тот свет?

Я подождала ответа, который глупо было ждать. Все мои действия казались безумством, но выбора у меня не осталось.

— Сейчас я войду в твой мозг, — начала импровизировать я, — и приснюсь тебе, сволочь!

Олег резко встал, щёлкнул кнопкой светильника, от чего я даже растерялась, затем полез в прикроватную тумбочку. Мне пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть, чего он в ней перебирает — он вытащил из неё таблетки, зашуршал ими, выдавил парочку, проглотил, запивая водой из бутылки, убрал таблетки обратно — мне удалось увидеть фрагмент в названии: слово «слип», что переводится «спать».

— Не спится? — позлорадствовала я. — Совесть замучила? Не верю! У таких, как ты совести нет вообще! Наверно, «бабки» большие на кону стоят — упустить боишься...

Правильно, сильнее переживай, а то мимо носа пройдут!

Я снова перевернулась лицом к потолку. Медведь сейчас захрапит под воздействием снотворных, а мне не спалось, да и предыдущие ночи мне пришлось провести либо сидя на бордюре, либо полужёжа в стрип-клубе. Кажется, во сне мой организм не нуждался, осталась привычка — желание вырубиться, когда сознание считало, что организм устал.

— Ты Веронику совсем не знал... — мечтательно заговорила я, чуя, что хозяин ещё не уснул. — Моя сестра такой прекрасный человек... Это обо мне все говорят: пацанка, оторва, хулиганка, а Вероника — настолько милое создание, обаятельная, готовит бесподобно... Вот только муж ей достался придурок, маменькин сынок. Прожила она с ним лет так двенадцать и все эти годы слышала одно и то же: ты бесплодная, ты бесплодная! Особенно мама его: разведись с ней, разведись! — Я бегло глянула на соседа по койке. — Не спишь ещё? Тебе не надоела моя болтовня? Ну так вот. Развелись они всё же... по причине её так называемого бесплодия. А когда Вероника пришла в себя, увлёкся ею один «транзитный пассажир» — такой же козёл, как и предыдущий, только на своей волне, но благодаря этим встречам наша бесплодная Вероника сразу забеременела. Вот такое бывает! И не ждали мы от него отцовства — есть желание, пусть участвует, нет, так без него обойдёмся, воспитаем.

Я снова вспомнила, что отцовства не будет и виновата в этом наглая скотина, которой я сейчас всё это излагаю, как самому близкому другу. На меня накатила злость. Мы должно быть уже похоронены, и Вероника, и я, а этот боров лежит в шикарной кровати, размером, как вся наша спальня... И тут я не выдержала — накинулась на него с кулаками, затем вскочила на ноги, стала пинать. Я выкрикивала разное: проклятия, ругательства, я обещала ему адский ад, пекло, муки вечные, обещала испортить жизнь всем, кто его окружает...

Но он лишь переворачивался с боку на бок. Выплеснув злость, я от него отстала, уже не лежала — сидела, скрестив над коленями вытянутые руки, смахивая периодически слёзы беспомощности.

Раза три за ночь он ходил в туалет, затем умывался, пил свою минералку, пару раз закидывал в рот ещё какие-то лекарства, запивал. Я с ним больше не разговаривала, всё время лежала молча. Было желание убраться отсюда при первой возможности, но так я не узнаю его секретов и не смогу осуществить свой замысел.

Поутру он первым делом кому-то набрал. Растянул любезные приветствия — я поняла, что звонит он некому светиле медицинского направления. Пожаловался на отсутствие здорового сна, особенно в эту ночь, поклянчил, чтобы тот ему прописал волшебные таблетки, так как в ближайшее время он не имел возможности пройти предложенное обследование. Тот дал добро, пообещал рецепт более сильнодействующего препарата, на том и порешали.

Мы с ним вместе позавтракали: нам подали овсянку, свежавыжатый сок и тосты с сыром. Я всё время молчала с удручённым видом. Он сосредоточился на журнале, я на шпинате, украсившим тост. Я вертела листовку и ощипывала, пока сиамериканский близнец не увёл этот тост из-под носа, мой шпинат нырнул в его глотку и исчез с концами. Руки занять стало нечем.

У меня сложилось впечатление, что он мало часов проводит в пределах дома, но сегодня было воскресенье, и он никуда не выезжал. В течение дня я «грела уши», в том числе около обслуживающего персонала. Я гуляла по всему дому, стояла на кухне, наблюдая за работой повара, сопровождала уборщицу, протирающую поверхности. Что не так с этим

домом? До сих пор ни малейшей ниточки... Здесь всё так идеально?

К концу дня до меня донеслось благодаря остроте слуха, как в ворота въезжает автомобиль. Я выглянула в окно: водитель высаживал молодую особу и выгружал чемодан на колёсах. Похоже я угадала — вернулась Она, и угадала откуда, что с отдыха...

Длинноногая девушка под метр девяносто с длинными тёмно-русыми волосами появилась в холле — неужели из манекенщиц, подумала я. Рядом с ней я чувствовала себя карликом. Вид у неё был томный, измождённый. Она слегка наклонилась, чтобы поцеловать своего возрастного супруга в затылок, сказала ему что-то банальное про поездку. Напряглась, когда он оповестил:

— Забыл тебе сказать: Дениска наш тоже укатил в Испанию, завтра возвращается! Вы там с ним случайно нигде не встретились?

Манекенщица удивлённо заморгала длинными ресницами, пожала плечами.

— Даже не представляю по каким значным подворотням Испании куролесил твой отвязный сынок, зная его. Лично я весь отдых проводила на пляже. У нас с ним не может быть общих точек соприкосновения. Кроме аэропорта конечно...

Я увязалась с ней, она меня заинтересовала. Девушка была привлекательной — точёные черты лица, пухлые губы, спортивная форма тела. Я продолжала её разглядывать, когда она первым делом направлялась в душ, будто только о нём и мечтала, телефон она прихватила с собой. Следующие минуты я молча наблюдала, как манекенщица, раздевшись до нижнего белья, включает в кабине душ, а сама тем временем, присев на белую тумбу, начинает копаться в своём телефоне. Мне пришлось опереться о её плечо, чтобы видеть всё, чем она там занимается — она просматривала фотографии. Это были красочные фото испанского побережья, на которых она была сногсшибательна. Демонстрация коллекции её купальников и пляжной одежды меня просто впечатлила. Удивляло лишь одно: неужели просмотром снимков нельзя заняться в другое время и к чему бесполезное литьё воды?

Жена хозяина внимательно изучала каждую фотографию, а я в процессе, охваченная женским интересом, отмечала про себя, что ресницы у неё натуральные, грудь настоящая, глаза насыщенно голубые без цветных линз... Тут на одном фото она остановила пристальное внимание, расширила его — я поняла, что она разглядывает спину какого-то парня. Удалила. Продолжила. Иногда, увеличив снимок, девушка находила лишь фрагмент его ноги — фото безжалостно улетало в корзину.

— Как интересно... — не выдержала я. — И кого это мы так целенаправленно удаляем? Кто этот красавчик? А-а... Ты боишься, как бы твой муженёк случайно не влез в телефон — а там знакомые шлёпанцы на дальнем плане. Наверно, очень знакомые, раз так суетишься... Ну и что у вас с ним, с этим мачо? Неужто роман?

Всё, что имело связь с тем парнем, было удалено. Затем она избавилась от всех снимков в папке «недавно удалённые», и только тогда загорелое тело полезло в облако горячего пара.

Кто же этот парень, задумалась я, а здесь не всё, оказывается, так идеально.

— Ну как отдохнула? — встретил её из душевой благоверный.

Я не могла представить, что этот монстр способен щебетать, как птенчик и улыбаться как... Вообще улыбаться. Он обхватил жену сзади за бёдра, целуя обнажённые плечики, находящиеся на уровне его губ — она в это время сосредоточилась на своих волосах: сначала брызнула в ладонь пахучего средства из флакона, затем начала втирать его в мокрые пряди, слегка наклонив голову. Судя по разговору, в этой семье приезд хозяйки был рядовой ситуацией, моталась она довольно часто.

В обращении к ней прозвучало «Натали», теперь я знала имя жены своего врага. Олег Маратович пахабно притёрся к ней, увлекая в кровать, но она его отстранила.

— Дорогой, ну не сейчас! Ты же знаешь, эти аэропорты меня выматывают! К тому же рейс задержали на два с половиной часа... Я очень устала, будто вообще никуда не летала. Гуля! — выглянула она за дверь. — Гуля! Приготовь нам чай!

Сначала я представляла эту длинноногую куклу высокомерной по отношению к прислуге, но, когда она вошла в роль хозяйки дома, я заметила, что Натали вполне сносно обращается с персоналом, значительно лучше, чем её надменный супруг.

Как я и думала, Олег Маратович без спроса полез в телефон жены, развалившись на мягком диване, будто это был семейный фотоальбом — бери, когда вздумается и разглядывай фотографии сколько душе угодно. Перелистывал он с улыбкой, довольный результатом.

— А это кто? — Натали вздрогнула, услышав от него вопрос, подошла, включив самообладание, наклонилась, присела на подлокотник.

— Пара из Питера, занимаются... м-м... тренажёры, массажёры, сайт, короче. Я в основном с ними тусовалась. А с кем ещё? Лёля подвела меня, бортанула в последний момент — такой кидос! Головные боли у неё видите ли... Овца!

— Всё-таки мне не нравится, что ты летаешь одна... Мало ли что...

— А мне нравится!

Она резко встала и отправилась по делам, приговаривая по пути:

— Лучше одной, чем выслушивать всякую херь... Мне и тут хватает... Я хочу отдыхать спокойно, расслабленно, безо всяких Лёль, чтобы никто не капал мне на мозги!

Наблюдая за ними и за обустройством этого дома, я сделала вывод: женаты они недавно, пару лет, тройку — максимум. Натали действительно вращалась в среде моды: у неё было множество снимков с профессиональных фотосессий — её холодный взгляд и царственная осанка выигрышно демонстрировали такое же «ледяное» платье. Интерьер дома Олега был выполнен в духе старого холостяка, современная девушка на такое бы не подписалась — будучи хозяйкой, она бы отделала его в современном стиле, по последним трендам. И всё же некоторые элементы в отделке выдавали не старое происхождение — я знаю, работала с отделочными материалами, а значит, ремонт закончился года четыре назад, максимум — пять, и этой фифы в то время здесь явно не было, как не было другой женщины. Не было очень долго.

На их постельную сцену противно было смотреть. Жена подпустила к себе мужа поздним вечером. Ей требовалась полная темнота в постели, он же, наоборот, зажигал светильник. Натали обращалась к нему ласково, но уж я-то видела её мимику, которую не видел муж, пока пыхтел, — она закатывала глаза с видом удручённости, всё в ней говорило: когда же это закончится? Спасибо Олегу за включенный свет — мне удалось узнать многое, на что я в темноте могла не обратить внимания. Моё зрение стало острым, но не до такой степени.

Матёрый самец Олег Маратович, бесстрашный, уверенный в своих силах, вгоняющий людей в страх, оказался вовсе не тем, каким считали его окружающие. Натали просто еле вытерпела его, у него были явные проблемы с потенцией. Он останавливался, чтобы его массивная кисть нырнула в тот самый ящик, проглатывал очередную таблетку, затем вновь улыбался жене слащавой улыбкой и всё начиналось заново.

Я ликовала, примостившись на углу кровати и комментируя действия Олега

ироническими высказываниями. И почему Натали всё это терпит... Естественно, в обмен на красивую жизнь. Но она ещё слишком молода, ей где-то двадцать восемь — двадцать девять. Что же она собирается делать в дальнейшем? В любой момент, его, больного старикана, постигнет смерть, возможно, не без моей помощи, а у Натали жизнь только начинается.

Девушка продумала всё наперёд: ей обломится наследство, и бонусом к нему будет тот красавчик с фотографии, плечистый, загорелый, в модных шлёпанцах. Все останутся в выигрыше, когда Олег Маратович сдохнет... Естественно, кроме самого Олега Маратовича.

Со стороны выглядело должно быть смешно, как мы втроем спим на одной кровати. Мне снились ужасные сны, всё как при жизни: прокручивалось одно и то же — мою сестру убивают, я вздрагиваю и во сне, и наяву, просыпаюсь. Вижу, что Натали навалилась на меня, отодвигаюсь на край, где нет подушки. Сворачиваюсь калачиком, засыпаю. Новый сон не лучше: я вижу бабушкин дом, где я проводила каждое лето: за окнами кто-то ходит — я прячусь, прижимаюсь к полу, в окна вторгаются, просыпаюсь снова. Мне нет покоя на этой кровати — Натали положила руку мне на лицо, я встаю и ухожу досыпать на небольшую кушетку — предмет спального гарнитура, расположенный «в ногах». Я вырубилась так крепко, либо перестала реагировать на чью-либо возню, что не заметила, как главный интересующий меня персонаж уехал на работу. Видимо он вставал максимально тихо, дабы не разбудить свою прекрасную богиню.

Утром я ознакомилась с рационом хозяйки дома: зелёный чай без сахара, салат из зелёной ботвы без соли, отвратительный зелёный коктейль из блендера. Да, жизнь у неё тяжёлая... Завтракать с Олегом мне нравится больше.

К полудню из холла донёлся идиотский громкий мужской смех. Я спустилась со второго этажа, где бродила по коридору и разглядывала художественные полотна, висящие вдоль стены, и не поверила глазам — парень из удалённых фотографий пересекал дом поступью хозяина с телефоном под ухом, что-то отвечал, уморительно ржал. За ним прислуга катила чемодан на колёсах. Прибыл Дениска, подумала я, сын своего отца, точная копия.

Я оказалась заперта с ним в его комнате, начала озираться по сторонам. Пока он продолжал хохотать с телефоном, изучала обстановку. В комнате стояла единственная его фотография подростковых лет: в руках он держал награду, на шее висела медаль. Тогда его волосы были светлее, чем теперь: удлиненными, вьющимися. Фотограф постарался и сделал глаза насыщенно синими — не могли же они настолько посереть, какими я их видела на живом примере. Взрослый он был круглолицым, плечистым, мясистым. Я смутилась, увидев его голый торс, надо сказать, сексуальный, привлекательный.

После того, как он принял душ, завалился на кровать и снова взялся за телефон. Парень не умолкал, рассказывая друзьям — какие девки отдыхают в Испании.

Так как в последнее время мне было скучно проводить много времени в пределах одного помещения, я понимала, когда «сын» мне надоест, я буду молить, чтобы он поскорее открыл дверь, так как я по-прежнему не умела перемещаться сквозь подобные преграды.

Поначалу я старалась не думать о худшем положении дел в этой семье — Натали могла удалять следы пребывания Дениса на фотографиях по его просьбе: так бывает, что затурканный строгим родителем сын начинает хитрить и тут, и там, выкручиваться, скрывать реальное положение дел, лишь бы не гневить папу. Но, когда я стала свидетелем встречи сына и мачехи, у меня отвисла челюсть. Денис исподтишка, пока никто не увидел, схватил её за грудь, на что она положительно отреагировала. Их общение наедине и на людях в корне отличалось: в присутствии посторонних они могли обмолвиться лишь парой-тройкой слов, в приватной обстановке сразу переходили на шёпот, всё время о чём-то договаривались, придумывали шифры.

Моя челюсть так и не вернулась на место, пока я ходила за ними хвостом. Кто бы мог

подумать, а Натали далеко не проста, да и сынок чего стоит... Так тебе и надо, Олег Маратович! Получай! Я безумно рада, что твоим рогам позавидует любой олень.

К приезду Олега Маратовича сын куда-то смылся, полагаю, чтобы не смотреть лишний раз отцу в глаза. А может укатил по значным местам — не зря Натали провожала его ревностным взглядом. Я стала гадать, как бы донести до хозяина то, что творится в его семье — не ради справедливости, а для того, чтобы подсыпать перцу в его сладкую жизнь. Я пыталась представить его реакцию, когда всё откроется — что он сделает? Убьёт обоих так же, как нас с Вероникой? Сомневаюсь...

Натали смеялась над передачей, в то время, как её муженёк с суровой миной, привезённой с работы и до сих пор не сменившейся, продолжал заниматься добыванием денег для семьи, закрывшись в кабинете. Я ничего не смыслила в том, чем он зарабатывал на жизнь: мне были не понятны его телефонные разговоры, ни о чём не говорили бумаги, в которых он копался, иногда злостно отшвыривал — что-то не клеилось, а тут я, висящая над ухом и нащёптывающая: твоя жена изменяет тебе с твоим сыном, твоя жена и твой сын, твоя Натали и Денис — любовники!

В какую-то секунду он будто почувствовал меня, прислонившуюся справа к его плечу, замер — я отпрянула, он стал вслушиваться, затем встряхнул головой и продолжил перебирать бумаги. Может мне померещилось... что он услышал мои слова.

Они ложились в постель в хорошем настроении — Олег Маратович сменил маску на подобающую. Натали была для него отдушиной, наслаждением, антистрессом. Бьюсь об заклад, что с момента её появления он перестал интересоваться другими женщинами и основную часть вечеров проводил в своём, наверняка когда-то холодном и «необитаемом» доме.

— Давай пригласим дизайнера? — Я угадала: Натали не устраивал интерьер. — На время ремонта мы могли бы пожить в квартире... Посмотри! — Она потянулась за телефоном. — Вот такую хочу спальню и ванную!

Олег Маратович заглянул с интересом, но увидев, сразу его потерял.

— Давай чуть позже, кисунь? У меня сейчас голова и так забита.

— Чем она у тебя забита?

— Делами. Сейчас разрулю кое-что и займёмся этим вопросом.

— Так и скажи: спальня не понравилась! — Натали недовольно отвернулась.

Муж приобнял её сзади.

— Кисуня! У тебя прекрасный вкус, но позже.

— Твоя жена изменяет тебе с твоим сыном... — шептала я, приобняв его сзади.

Мы лежали втроём, как креветки в тарелке, свернувшись друг за другом, он нащёптывал в её ухо, я — в его.

— Твоя жена изменяет тебе...

Надо было увязаться с сыном, подумала я, неизвестно какие ещё пороки могут таиться в его отдельном мирке, ведь яблоня от яблони...

Я ушла в ванную, чтобы не участвовать в дальнейшем. Эта пара стала бесить меня ещё больше, их совместная жизнь — сплошное лицемерие.

Поутру я всё-таки приготовилась к поездке с Олегом. Выбралась на улицу с помощью прислуги, пока хозяин продолжал сборы, стала возле машины, начала прикидывать — как поеду. Я могла устроиться с ним рядом на заднем сидении, но, если появятся другие пассажиры, меня попусту придавят к двери — естественно придавят не по-настоящему,

только меня такой расклад всё равно не устраивал. Тогда я полезла на крышу.

Я просто лежала на спине, разглядывая облака — в лопатки упиралась твёрдая прохладная поверхность крыши, под головой лежали сложенные руки. Какой насыщенный небесный цвет... Кажется, за всю мою прожитую жизнь я не видела таких облаков — в объёмной проекции: белые гигантские клубы собирались воедино и в дальнейшем теряли часть себя... Я вытянула вверх свою босую ножку, закинутую на колено — мой красный лак на ногтях совсем не отрос, он добавлял контраста бело-голубому. Не понимаю, почему загробный мир нам всегда представляли мрачным, бесцветным, лишённым вкусов и запахов... На самом деле в нём слишком зелёные ели и до безумия пахучие можжевельники. До чего прекрасна жизнь... Но уже не моя.

Я вздрогнула от звука хлопнувшей парадной двери — вышел сам. Сегодня он накинул плащ, значит в их мире уже не лето, под плащом виднелись тёмно-серый костюм и светлая рубашка. Дверца машины хлопнула едва слышно под звук заводящегося двигателя — я встрепенулась, сконцентрировалась: перевернувшись на живот ухватилась обеими руками за рейлинги. Всё! Мы двинулись в путь!

Живописная зелень была нашим спутником только начальный участок дороги, затем растянулся пригород из выстроенных в ряд коттеджей и старых домиков. И вот мы в городе — стоим на светофоре. Настроение у меня скатилось до нуля, так как обстановка напомнила ту встречу на дороге с участием пассажира, сидящего под моим животом. Сразу захотелось собраться, прибавить темп для осуществления ответного плана.

В течении дня он общался с разными людьми: меня кружило от потока информации, от новых персонажей, в которых я выискивала что-то важное для себя, угадывала, какие отношения на самом деле их объединяют. Сын ни разу не позвонил — мне показалось, он не ночевал дома.

Секретарша, работающая в его компании, занимавшейся неизвестно чем, многим походила на Натали, но не настолько была красива и одевалась в обычных магазинах. От моего глаза не ускользнуло, как Олег Маратович кошачьим взглядом исподлобья разглядывает её удаляющиеся ноги. Ценитель женской красоты, подумала я. Мне показалось, что настроение у него сегодня приподнятое — меня это стало бесить.

— Твоя Натали... — разлеглась я на столе рядом с компьютером, отодвинув в моём мире в сторону канцелярские принадлежности, — жёнушка твоя, королева красоты, которая Кисуня, изменяет тебе... Ты уже забыл? И не с кем-нибудь, а с Дениской. О чём это говорит? О том, что твой сын тебя не любит! А почему? Значит, пошёл весь в тебя — самовлюблённый, эгоистичный и привык получать всё, на что глаз упал.

Олег Маратович сверял какие-то цифры — результат его радовал, об этом говорила довольная мина. Каждый новый ряд цифр делал его ещё довольнее.

— Для них стараешься, да? — не унималась я. — Им на Испанию? Чтобы они там... и в Испании, и в твоём доме прекрасно проводили время, пока ты тут пашешь... — Я нависла прямо у лица. — Какой же ты слепой! Твоя жена спит с твоим сыном, идиот! Поезжай домой прямо сейчас — сам увидишь!

Он уставился мимо документов, отложил их в сторону, скрестил пальцы и начал о чём-то думать. Я отпрянула, когда он схватился за телефон — звонил водителю. Затем я бежала вместе с ним по коридору, едва поспевая. В лифт я уже не вбегала, а взлетала и влетала, почувствовав невидимые крылья — обалдела сама от себя. Впоследствии мы двигались тем же маршрутом: за рулём — водитель, на заднем сидении — я и Олег Маратович. Его

поведение меня озадачило: он не отвечал на звонки, не продолжал вести дела бизнеса как обычно в машине, он напоминал мраморное изваяние — как только Инфинити притормозил возле парадного входа в особняк, изваяние вскочило с места. Я едва успела вбежать с ним внутрь.

Олег помчался по лестнице, перескакивая через ступени и далее держал курс на спальню, но я-то была догадливей и осведомлённее, чем он — я свернула в другое крыло, во владения сына. Когда я приложила ухо к двери Дениса, то услышала разговор. Напомню: моя новая способность позволяла хорошо всё слышать.

— Олег приехал! У входа его машина!

Кто-то по-тихому провернул изнутри замок — не на закрывание, наоборот открыли. Через минуту примчался сам и на правах хозяина дёрнул за ручку. Я, естественно, вошла с ним.

Денис сидел развалившись в кресле, на нём была домашняя одежда в спортивном стиле. Натали стояла ближе к выходу с буклетом в руках. Она отпрянула, увидев мужа — буклет при этом смялся.

— Ну вот, — обиженно произнесла она. — Сюрприз не удался!

— Это в папином духе всё обламывать! — цинично прокомментировал младший.

— Что здесь происходит? — спросил Олег Маратович.

— Милый... — Натали повела его по коридору. — Насчёт твоего юбилея... — Буклет она спрятала за спину, будто он и содержал тот самый сюрприз. Хотя я, внимательно приглядевшись, определила: это каталог бижутерии. — Давай я пока не буду ничего говорить, иначе какой это сюрприз?

У неё был поразительный талант — создать интригу, но я прекрасно знала, что это отговорка, лишь бы Олег не заподозрил неладное, творившееся в стенах его дома. Натали с Денисом прекрасно проводили время, и тут приехал хозяин — одна секунда: любовники быстро состряпали повод, который, дескать, вынудил жену заглянуть в комнату пасынка для того, чтобы обсудить запланированную вечеринку в честь Олега Маратовича. В хитрости и изворотливости им не было равных. Но мой план при этом сорвался.

— Правильно! Езжай на работу! — взъерепенилась я. — Убедился, что всё в порядке? Езжай! Безглазый осёл!

Натали провожала его у машины, махала ручкой — его величество отчалили по делам. Мне было трудно принять решение: с кем остаться... Если бы я могла разорваться на несколько частей...

В этот раз я выбрала дом. Не знаю, не прогадала ли... Остаток дня жена вела себя скучно: накладывала косметические маски на лицо, лежала на диване, слушая музыку. С Денисом они больше не общались, и мне показалось, что он уехал.

Ночей через пять возле дома появилось много людей: возводили шатёр на газоне. Декораторы работали в активном режиме — территория была оформлена белой вуалью и букетами живых цветов в лиловой гамме. Ресторан прислал поваров — те трудились на кухне. Я бродила среди них, с интересом наблюдая за работой. Моментами сталкивалась с Натали — в прямом смысле, она носилась, как угорелая, отдавая распоряжения и поглядывая на часы — при этом нервничала. Вместе с ней среди людей сновала распорядитель — женщина лет сорока в благородном бежевом дуэте платье-жакет, но с вызывающими серебристыми серёжками, похожими на диски.

Неподалёку смонтировали сцену, на которой установили аппаратуру приехавшие

музыканты. Парень и девушка начали распевку — я постояла, послушала их. Девушка была явно одарённой, вот только прилагалась она вторым номером к менее талантливому вокалисту.

Олег Маратович с утра отъезжал, затем в кабинете отвечал на звонки, принимал поздравления, затем занялся собой. На столах появились блюда в шикарной подаче — я разглядывала их, как музейные экспонаты. Большинство блюд мне было неизвестно в своём составе, и я принялась их дегустировать. Официанты проносились мимо меня, а я с наслаждением пробовала шедевры кулинарного искусства, разложенные на блюдах, затем поправляла, чтобы не оставалось пустое место. Не знаю, стоило ли заморачиваться... Это в моём мире всё исчезало, а в реальности ничего не менялось. В какой-то момент я пригляделась и не смогла понять — съеденные мною завитушки так и не появились, как бы я не фокусировала на них внимание.

Длинные столы с угощением, что находились под открытым небом, были рассчитаны на первую часть юбилея, шатёр готовили к прохладному вечеру. Денёк сегодня выдался тёплый: приехавшие гости-мужчины были одеты в костюмы, а дамы — в вечерние платья с наброшенными на плечи палантинами, или жакетами. Спиртное уже разливали, и я приложилась к сухому красному вину, высосав его до дна с помощью соломинки. Странно, но жидкость в моём бокале так и не восполнилась, вместе с тем я заметила реакцию разливавшего официанта, который уставился на мой бокал, будто увидел привидение — юноша огляделся по сторонам, забрал его и унёс. Я переключилась на белое вино, которое закусывала морепродуктами. Такие закуски я отродясь не пробовала. Меня впечатлили крупные креветки, облитые соусом и чем-то обсыпанные, а также устрицы. Ещё зелёная масса — я так и не разобрала из чего она.

Вокруг меня расхаживали холёные люди, беспрерывно улыбающиеся, казалось, что они безумно рады друг друга видеть. Фигуры перемещались, словно на шахматной доске. Наконец среди них появилась хозяйка праздника — Натали была безупречна, ей очень шло дорогое платье сложного цвета — из оттенков персикового и кофейного, спинка была прозрачной. В плане украшений минимализм: небольшой кулон на тончайшей цепочке и маленькие серьги.

Юбиляр гордился женой — я прочла это в его глазах. Выражение лица виновника торжества кардинально отличалось: был ли он один, или рядом блистала жена. Глядя на него я злорадствовала, иногда отпускала нелестные комментарии, когда он нахваливал Натали. Выглядело абсурдно: гости одаривают комплиментом, я же мерзким словцом. И кто из нас честен: я, или эти люди? Разумеется, я!

На сцену вышла молодая певица: её приезд и оказался тем сюрпризом — об этом объявила в микрофон хозяйка вечера. Имя певицы мне ни о чём не говорило, но, когда заиграла музыка, я узнала шлягер, достаточно известный на всю страну. Олег Маратович просиял, даже взбирался на сцену, чтобы выказать певице своё восхищение. Я удивилась, каким же он стал многословным в этой части вечера.

В разгар банкета объявился сын. От меня не ускользнуло выражение упрёка на лице Олега Маратовича — он ничего не сказал, но следил, как тот подходит и приветствует гостей с той же дежурной улыбкой. При встрече с некоторыми гостями Денис между делом упоминал о безотлагательных делах, с которых он только что приехал, хотя его никто ни о чём не спрашивал. Юбиляр краем уха слушал разговоры сына, а моё ухо улавливало, как при этом скрипят его зубы. На протяжении вечера он пытался с собою совладать — наступит

момент, и Олег Маратович выскажется... Разумеется, не при гостях.

Но это был не единственный косяк Дениса — ближе к завершению он нажрался, как скотина. Вид его стал взъерошенным, поведение оставляло желать лучшего — я заметила, как он нахально ощупал официантку, оказавшись с ней в одном проходе, та покраснела и быстро убежала. После данного инцидента я больше её не видела. Теперь за его передвижением стала следить Натали, выражение её лица было таким же порицающим, как у его родителя. Мне показалось, что их мысли только и заняты сыном-пасынком, похоже им всё надоело. В это время гостей развлекали танцоры.

Олег Маратович несколько раз ходил к заветной тумбочке, чтобы заглотив пару-тройку таблеток. Растворившись в суете, я совсем забыла о цели моего пребывания здесь, забыла, что меня не так давно убили, забыла про Веронику... Опять меня одолели душевные муки — они тут веселятся, а мы тлеем в земле. Несправедливо.

— Твой сын ненавидит тебя, ненавидит, презирает! — проговаривала я, сопровождая хозяина, как его неотъемлемая часть. — Взгляни на него — это твой позор! О таком наследнике ты мечтал? Ему плевать на тебя! Плевать, что среди гостей есть важные люди, от которых в твоей жизни многое зависит, и они сейчас оценивают какой у тебя сын, делают выводы: можно ли с тобой вообще иметь дело... Да он просто издевается над тобой! Он делает это нарочно, чтобы досадить тебе! Неужели ты до сих пор ничего не понял?

Территорию покидали последние машины, а Олег Маратович быстрым шагом направлялся к комнатам сына — тот стоял перед зеркалом и расстёгивал рубашку, корячился. Пиджак валялся на полу. Денис не сразу понял кто вошёл.

— А теперь давай с тобой поговорим! — произнёс родитель. — И мне плевать, что ты сейчас плохо соображаешь! Тебе плевать и мне плевать! Ты позоришь меня перед всеми, и я не собираюсь выжидать, когда ты очухаешься! Я слишком много тебе позволял из-за того, что ты рано потерял мать... Но не ты один — и я потерял жену! Почему я должен терпеть такое отношение к себе!?

Я отводила в сторону глаза, когда выслушивала поучительную брань Олега Маратовича, я даже придумала занятие рукам: пока из него лился словесный поток, я теребила разноцветное перо, вставленное в вазу и видела, как оно колышется от моих прикосновений. Меня это забавляло.

Внезапно я отшатнулась — Олегу Маратовичу зарядили в глаз. Мы замерли все трое в испуге от случившегося. Поведение Дениса вышло за пределы допустимого. Отец пришёл в ярость и зарядил в обратную, у Дениса пошла носом кровь. Затем добавил ещё — тот перестал держаться на ногах и теперь стоял на четвереньках, пытаясь подняться. Олег Маратович толкнул его ногой в бок, ударил ещё...

Распахнулась дверь. Натали закатила истерику — если бы не она, неизвестно чем бы закончилась драка. Жена пыталась их разнять, плакала — постепенно она утянула мужа с собой, отдав распоряжение прислуге, чтобы сбежали за аптечкой. Я смотрела на этот балаган и понимала: произошедшее здесь — моя работа.

Утром за завтраком собрались: я, Натали и Олег с фингалом под левым глазом. Сын не спустился. Олег Маратович, немного подождав, отправил горничную разузнать — та доложила, что Денис Олегович объявил голодовку.

— Каков наглец! А? — выпалил хозяин, приступая к завтраку. — Ты слышала: голодовку?! — адресовал он жене. — Испортил мне праздник и чем-то видите ли недоволен! — Как там его нос? Перелома нет? — забеспокоился он, обращаясь к горничной.

Гуля была в этом доме кем-то вроде посредника между членами семейства.

— Всё на месте, Олег Маратович... До свадьбы заживёт.

— Толстокожий стервец! — повернулся он к супруге. — Напрасно ты за него переживала.

— До чего докатились, Олег Маратович! Собственного сына, да по морде... — эти слова на сей раз принадлежали мне. — Толи ещё будет... Скоро он вас «порадует» другими сюрпризами — покруче.

После завтрака супружеская пара релаксировала в собственной сауне, являющейся частью дома. Я отдыхала с ними, втягивая медовые и хвойные ароматы. Олег и Натали молчали, переваривая последние события, затем разговорились и увлеклись обсуждением гостей. Некоторым из них перемыли все косточки.

Они уже поднялись к себе, когда в дверях появился охранник, чей пост располагался в домике, расположенном у ворот. Хозяина попросили спуститься.

— Вам стоит это увидеть! — произнёс охранник.

Олег Маратович вначале замешкал, видно, ему было лень выходить на улицу после бани, но лицо охранника не поддавалось никакому описанию, тот был бледнее бледного. Разумеется, я не могла пропустить такое событие и увязалась с ними. Я мысленно потирала руки — мой звёздный час настал: сейчас нашему самоуверенному павлину откроют глаза, и он наконец узнает, что носит рога, да ещё какие!

— Нам позвонила гостья со вчерашнего банкета... — попутно докладывал охранник, — она забыла, где оставила клатч. Ну маленькая такая сумочка... Хотя не важно — сумочку она сама отыскала у себя дома. Но я успел просмотреть записи с камер...

— И что там?

— Лучше взгляните сами. Клянусь — никакого монтажа! Я заступил вчера в двенадцать, и весь банкет никуда не отлучался. И на обед не отходил, мне приносили.

Мы друг за другом проследовали в домик с мониторами, оборудованный для охраны. Я сразу узнала виды, куда были направлены камеры, развешенные по территории. Парень склонился над клавиатурой и начал мотать.

— Смотрите! Случайно заметил...

Олег Маратович склонился тоже, прищурился.

— Вот, видите: на горке лежат бутербродики? Вот, смотрите внимательно на бутербродик с краю...

— Ну?

— Смотрите! — Охранник замер. — А теперь опс! — Он перевёл взгляд на хозяина. — Вы видели? Он исчез! Хотя никто не подходил. Давайте покажу ещё раз!

Он отмотал назад и продемонстрировал снова. У Олега Маратовича пока на лице проявилось только смятение, вот-вот он отмахнётся от «глюка на плёнке» и уйдёт, но охранник предоставил ему новые факты.

— А теперь смотрите ещё! Видите, стоит бокал? А теперь смотрите внимательно! Сейчас увидите... сейчас-сейчас... Вино в бокале начало уменьшаться! И вот он пустой! И взгляните на вид этого официанта — он тоже смотрит на него, как на светопредставление какое-то! А теперь он его берёт и уносит. Вот, с другой камеры — он его несёт... Гляньте на его лицо — пацан просто в шоке! И это не всё! Сейчас будет трюк с фруктами. Вот! Так, разложены фрукты... Вам видно? Бах! Арбуз испарился! Бах — дыня! А вот лежит эта... как она называется... А! Тарталетка! — Он оживился, напомнив своим поведением болельщика в преддверии гола. — Вот! Смотрите, смотрите, сейчас она исчезнет! Оп! — Охранник вдруг замер, выдохнул: — Исчезла...

Олег Маратович уже смотрел на парня в упор, пытаюсь придумать объяснение, но видимо ему ничего не приходило в голову. Затем он стоял и соображал.

— А ещё я где-то видел... креманка опустела, — не унимался тот. — Могу найти! — Не дожидаясь команды он начал разыскивать фокус с креманкой, дав хозяину время для размышлений на этот счёт, затем продемонстрировал.

Они не видели в каком шоковом состоянии находилась я, когда он показывал эти кадры, уличающие моё присутствие. Теперь всё зависело от того, насколько им хватит воображения, чтобы объяснить необъяснимое. Я надеялась, раз до сих пор о потусторонней жизни в народе ходят лишь несуразные выдумки, то на большее можно не рассчитывать.

— Скинь мне на флэшку! — приказал Олег Маратович.

— Весь банкет? — охранник округлил глаза.

— Нет. Выбери всё, что тебе показалось странным.

— Да уж... Если те явления, что я вам предъявил, можно назвать не иначе, как странными... то...

— И поменьше тренди! Ни слова при Наталье Максимовне! — Хозяин собрался на выход. — И вообще помалкивай!

От моего взгляда не ускользнули два силуэта в окнах второго этажа: один принадлежал Натали, другой сыну. Каждый стоял у своего окна и внимательно следил за передвижением Олега Маратовича. Не часто хозяин заходил в домик охраны и не часто торчал там столь продолжительное время. Нервишки у тех напряглись. Мне захотелось понаблюдать, как он будет объяснять жене — с какой целью охранник пригласил хозяина в свою «будку». И я приготовилась слушать.

— Милый, что стряслось? На тебе лица нет!

Олег Маратович завалился на кровать, состроив гримасу глубокой озадаченности. Она ждала ответа. Наконец он ожил.

— Да ерунда! Не бери в голову...

— Ну правда, Олежек!

— Да там... девица одна развопилась... Решила, что у неё здесь сумку свиснули... В моём-то доме! Х-х! Мы кинулись записи просматривать, а она вдруг сама нашла... дома. Курица! Швырнула куда-то по пьяни и давай нам быстрее названивать... Могла бы сначала поискать... как следует. Ну что за люди...

— А почему тебя вовлекли в поиски? Почему именно тебя? У нас что, больше некому заниматься подобной ерундой?

— Да там... — Он вдруг осёкся. — Действительно ерунда! Забудь!

— Скажи мне честно: это касается Дениса?

— А при чём здесь он? — Олег Маратович даже приподнялся.

На следующий день я увязалась с Олегом, потому как заметила, что он распечатал на принтере момент, где хорошо было видно лицо официанта, обслуживающего банкет, и взял с собой.

В обеденный перерыв он посетил ресторан, сделал заказ, пристально наблюдая за каждым, кто проходит мимо, одетый в форму обслуживающего персонала. Спустя некоторое время подозвал администратора и предъявил изображение, попросил позвать парня. Парень вышел, Олег надменно произнёс слово «сядь», и тому ничего другого не оставалось. На стол как раз выставили жаркое в горшочке. Официант сидел напротив и не понимал — зачем его пригласили.

— Расскажи-ка мне вот что... — Олег Маратович вводил в чувство дикого ужаса одним своим видом. Он непринуждённо приступил к обеденной трапезе, продолжая говорить: — Когда ты разливал напитки вчера... что тебя так напугало?

У парня обмякли плечи, он сделал выдох и прислонился спиной к дивану — я не поняла, что это значило: облегчение или отчаяние.

— Так, вчера я весь день обслуживал... Разносил блюда, и-и... напитки разливал... Э-э... А когда вы говорите это было? — произнёс молодой болван. Тот вытаращился на него исподлобья.

— Ты дурачка из себя не корчи! — Олег Маратович взял нож и начал крутить им в

руках. Для принесённого блюда нож совершенно не требовался — я разгадала психологический манёвр этого монстра.

— Ты разлил по бокалам красное вино... — монстр заговорил спокойным тоном. — Так? Всё это есть на записи... — Он отложил нож в сторону. — Что было потом? От чего ты шарахнулся?

Изворачиваться не было смысла — официанту пришлось рассказать правду:

— Там... — Парень разволновался. — Там бокал выветрился... Я так понимаю... что-то было в том бокале, отчего произошла реакция, и вино испарилось прямо у меня на глазах. А что, хотели кого-то отравить?

Олег Маратович позеленел от услышанного: если его охранник представил случившееся как нечто из рода фантастики, то обычный официант выглядел реалистом. Гость отодвинул горшочек в сторону, уставился на него — во всей этой истории парень ему казался единственным здравомыслящим человеком.

— Пока ты свободен! — сказал Олег. — Но вспомнишь чего, набери мне! — Он протянул визитку. — И помалкивай там!

Как я предполагала, версия о потустороннем будет постоянно отбрасываться, скорее поверят реалистичным предположениям: дефектам записи и чудесам молекулярной кухни. Олег Маратович дал задание охраннику из другой вахты: внимательно изучить все записи того дня, с утра и до полуночи, а первоочерёдно обратить внимание на действия поваров и официантов, и затем предоставить ему отчёт. Он пообещал вознаграждение, если тот найдёт любой подозрительный жест. Чтобы охранник понимал цель поисков, хозяин поведал ему историю об исчезновении еды в тарелках.

Вечером он сам заглянул в домик охраны.

— Ну что? — прикрыл он за собой дверь.

Охранник пожал плечом, будто ничего особенного, но его лицо говорило об обратном.

— Что?! — вскричал Олег Маратович. Тот медлил.

— Витя, давай договоримся так: ты чересчур мнительным не бойся выглядеть... Если были какие-то фокусы из разряда... чудес, давай показывай, а дальше я сам разберусь!

Секьюрити продолжал смотреть в монитор, будто лишился и слуха, и зрения — казалось, что в мониторе он ничего не видит. Я сразу напряглась — подобную реакцию я могла ожидать, если он увидел меня: полупрозрачный силуэт, отражение в зеркале, плывущую массу в форме человека...

Охранник взглянул на хозяина взглядом сочувствия.

— Даже не знаю, как вам сказать... У меня язык не поворачивается. — Наконец он решился: — Это касается вашего сына.

— Что?! — голос хозяина всколыхнул помещение. Охранник вынужден был предоставить запись.

Увиденное мной, стоящей за спинами двух мужчин, привело меня в состояние возбуждения, я возликовала! В кадр попал участок между беседкой и туями — место укромное, но камера его поймала. Судя по перебравшему состоянию Дениса инцидент происходил ближе к концу праздника. Сначала он повис на плечах Натали, нашёптывая ей что-то на ухо, затем с нежностью прильнул губами к шее мачехи и стал осыпать её поцелуями. Та бездействовала, но вдруг внезапно его оттолкнула, оглядываясь по сторонам, после чего удалилась.

Шокированный Олег Маратович буквально выплыл из постройки, молча двинулся в

дом, неторопливо, переваривая по пути увиденное. Я заметила в панорамном окне Натали, как всегда ведущую собственное наблюдение. Следующие три часа показались испытанием для меня — я вынуждена была терпеть его общество и смотрела, как он лакает крепкий алкоголь, закрывшись у себя в кабинете.

Несколько раз стучали в дверь, на экране телефона высвечивался звонок от жены, но он не реагировал, он опрокидывал стакан за стаканом, пока в него больше не лезло. Он валялся в полном забытии на любимом кожаном диване, а приехавший работник по указанию Натали возился с замком — взломал его, в кабинет ворвались обеспокоенные домочадцы. Олега Маратовича понесли на кровать.

— Я думала, тебе стало плохо! — рыдала Натали. — Думала, с сердцем что! — Но он смотрел на неё перекошенными глазами и не соображал, где вообще находится.

Утром он молча собрался, принял таблетки и уехал на работу. Пока он одевался, я наблюдала за Натали, будто бы спящей... Но глаза её были открыты, и то, что на сердце у неё ох как беспокойно стало понятно, когда он захлопнул дверь — Натали с облегчением выдохнула, можно сказать, выплеснула накопленное в ней напряжение, резко перевернулась на спину и прикрыла глаза ладонью.

— Понервничай, детка! — сказала я.

Мне было интересно, что же здесь будет теперь происходить, поэтому я осталась. А ничего не происходило: Натали плавала в бассейне, не ночевавший мачо приехал к полудню и сразу завалился спать — дверь в его комнату осталась приоткрытой, и я прошлась туда-сюда любопытствуя.

Но в полдень внезапно вернулся хозяин — не жалкий и подавленный, как накануне, а решительный и будто прозревший. Первым делом он направился вверх по лестнице в комнату отпрыска, толкнул дверь, ввалился.

— Денис, значит так! — Сын с трудом соображал, увидев над собой нависшего родителя. — Сейчас же собирай манатки и сваливай в квартиру на Пролетарской! Карточки твои я заблокировал, теперь сам крутись!

— А чё такое? — Денис еле продрал глаза.

— Сто раз повторять не буду! — заорал Олег Маратович. — Проваливай, я сказал! Вон из моего дома!

— Чё на Пролетарскую-то?

— Благодарю, что не на улицу! В компанию к бомжам!

— А чё случилось? За что?!

Отец его больше не слушал, он уже торопился, чтобы поскорей отдать распоряжения своим людям, сообщить им о новом положении дел. Жене он не сказал ни слова, иначе говоря, её не вытурили.

Натали держалась в сторонке, в происходящее не лезла. Изменения в доме будто её не касались — она наблюдала за событиями издали, вместе с прислугой. Персонал перешёптывался, а я грела уши. В основном обсуждали дерзкое поведение сына, предположили, что последней каплей стала драка с отцом. Так думал и сам Денис, пока Олег Маратович, наблюдая, как сын собирается отъезжать, вдруг сообщил ему, облокотившись о дверцу машины:

— Позарился... и на кого? На жену отца! Кобель ты похотливый!

Хозяин с силой захлопнул дверцу, оставив того в полном недоумении, сидящего за рулём. Двигатель завёлся, и дорогая иномарка рванула с места, взревев на всю округу. Олег

Маратович прошёлся по территории: по брусчатым дорожкам, мимо круглой беседки, вдоль хвойных насаждений... Вид у него был нервозный, он всё время раскачивал руками, будто искал куда вломить кулаком. Наконец его отвлек важный телефонный звонок — он запрыгнул в Инфинити, и водитель его увёз.

Натали стояла в окне.

Я наблюдала за этим цирковым представлением с лёгкой ухмылкой. Если бы меня спросили: разве мне его не жалко? Ответила бы: не жалко! Как и ему было не жалко меня и сестру. Вот так-то, Олег Маратович, спокойствие в вашем доме закончилось!

Через час у Натали высветился номер Дениса — я приложила ухо вместе с ней, интересно было послушать. Забавный момент: мы обе стояли перед огромным зеркалом, выглядело, будто моя голова лежит на её плече, словно я прижалась к ней, как к дорогому другу. В зеркале нас отражалось двое, но это видела я одна.

— Он тебе что сказал? — сразу спросил тот.

— Нет.

— И ты не в курсе?

— Не в курсе чего?

Денис попытался подобрать слова, но они застряли комом, затем не выдержал и перешёл на эмоциональный тон:

— Он про нас знает, вот что! Блин, так спалиться!

Натали провалилась в пышное кресло, а я устроилась рядом на подлокотник, снова прижавшись к её плечу — мне так стало удобнее, чем стоять на носках, дотягиваясь до её роста. Дальше они начали выяснять, где могли проколоться и были довольно-таки близки к истине, когда сочли подозрительными походы Олега в «будку» охранника. Оба понимали, что решаются их судьбы, в первую очередь касаясь финансов.

— А чё он тебя не выгурил? — удивлялся Денис. Я в это время перевела на неё взгляд и заметила, как в ней всё сжимается. — Странно... Меня сразу вон из дома, а тебе даже слова не сказал... Может всё впереди — готовит тебе сюрприз? Может вечером объявит?

Натали колотило, она сидела натянутая, как струна и энергично трясла ступнёй. Как же тебе страшно, девочка... Стоило ли оно того — интрижка с пасынком?

Вечером приехал Сам как ни в чём не бывало, поужинал с Натали — я наблюдала за ними покачиваясь на стуле и разглядывая один и тот же разворот газеты. Супруга старалась вести себя сдержанно и предельно мило: беспокоилась о его здоровье, о делах...

Олег Маратович поработал в кабинете — жена в это время буквально сходила с ума: металась из угла в угол, бродила по дому... Я замечала, как она с ненавистью поглядывает на камеры — была бы её воля, она бы все их поснимала, и безопасность жильцов в данный момент её совершенно не волновала.

Она забралась под одеяло, переодевшись в ночную сорочку бледно мятного цвета на узких бретелях, и тут в спальню вошёл Олег, одетый в пижаму. Натали ждала, когда он почистит зубы, примет душ и присоединится к ней. Да! Еще примет горсть таблеток, которая продолжала расти с каждым днём. Наконец, муж забрался под одеяло, и она решила начать:

— Олежек, ты выпроводил Дениса из-за того, что он попытался меня обнять?

Я просто открыла рот... Обнять — вот так теперь называется секс протяжённостью около полугода. Тот ухватился за возможность прямого разговора и насел на неё с расспросами. За время беседы он выяснил, что Денис приставал к ней всего один раз, по пьяни, но она его тут же поставила на место. Олег Маратович удовлетворился таким

объяснением.

Жена отмылась, только сына он потерял, сын превратился в соперника, в конкурента... Олега сковало всевозрастающее чувство ревности — вряд ли того теперь впустят в дом отца.

На следующий день начался проливной дождь. Панорамные окна омывались водяным заносом. Я наблюдала из окна, как из водоотводной трубы бежит ручей. Сегодня газон напитается влагой сполна.

У Натали снова высветился Денис — она решала: брать или не брать... Взяла. Разговор начался с темы их отношений, дескать, отвергнутый и обездоленный, он соскучился по своей искусительнице. Денис предложил навестить его, то есть приехать к нему в маленькую квартирку на улице Пролетарской. В этой части я уловила по мимике Натали, что её он больше не интересуется. Натали начала ломаться, тот уговаривать. Всё сводилось к тому, что Денис просил не просто приехать, а насовсем переехать, уйти от отца к нему...

Я уморительно хохотала, катаясь по дивану. Я просто держалась за живот. Из меня вылетали реплики:

— Давай, Натаха, бросай старого козла! С милым рай в шалаше!

Затем я быстренько подбежала к ней, чтобы не пропустить продолжение, звучащее в трубке, от которого она изменилась в лице.

— Получается, значит, я остался без средств существования, — сетовал Денис, — а ты осталась при всём... Ещё не хватало, чтобы он сделал тебя единственной наследницей... Интересно, откуда такая несправедливость? — Ответа он не услышал. — Помнишь тот день? Разве не ты меня совратила? Ты кормила меня клубникой из рук — кто ж такое выдержит, и я не железный... А теперь ведёшь себя так, будто тебя никак ничего не касается, будто это мои проблемы... Не-ет, радость моя... Раз попались, то и отвечать будем вместе!

— Это что, шантаж?

— Короче, определяйся! Если сёдня ко мне не переедешь, завтра для тебя может не настать!

— Что ты сказал?

— Я в смысле, что жизнь может кардинально измениться. Да не в лучшую сторону. Мне есть чем удивить отца, да так, что тебе сто процентов не отмазаться. — Закончил он следующим: — Ладно, даю тебе времени до субботы подумать!

Денис отключился, а я стала хлопать в ладоши — рыбка попала в сети.

— Это с тобой она может измениться не в лучшую сторону! — прошипела стерва.

— У тебя, случайно, нет знакомого киллера? — поинтересовалась я, витая над ухом Натали, словно кобра. — А у твоего муженька есть! Спроси у него. Дескать, дорогой, не одолжишь мне киллера на денёк? Сынка твоего кокнуть, пьяницу и лодыря, непутёвого наследника...

Наша интриганка как обычно взялась за удаление улик, в частности, вызов от абонента «Денис» в её телефоне был явно не к месту. После разлада с отцом она стирала все его вызовы, до разлада — только лишние. Натали переваривала проблему в уединении, никому не звонила, не спрашивала совета, не просила помощи в сложившейся ситуации, ведь она стала жертвой самого что ни на есть шантажа. Но видимо друзей у неё не было, по крайней мере тех, с кем она могла бы делиться такими секретами.

Тем временем я изучала обыкновенную дверь — как же она открывается? Смотреть часами на пустые вздохи хозяйки невыносимо. Лучше бы я послушала о чём судачит прислуга. Мне казалось, что слишком медленно идёт процесс — ну разъехался Олег с

близким родственником... Пройдёт немного времени, он остынет и начнёт оказывать сыну поддержку. Ну да, не позволит он ему ошиваться в своём доме, возле жены, зато купит ему шикарную квартиру, пристроит на работу с красивой зарплатой... Отец будет чувствовать вину, что сын, в какой-то степени сирота, человек одинокий, растерявшийся по неопытности, а сам он мало уделял ему внимания, в итоге нашёл себе куклу и живёт себе превосходно! Думаю, между сыном и отцом в будущем только улучшится взаимопонимание. Меня это не устраивало.

— Так и будешь сидеть? — Вернулась я к Натали, оторвавшись от своего занятия. — У тебя сейчас всё поставлено на кон, и ты думаешь само рассосётся? Денис остался без гроша, ему терять нечего... Он отошлёт отцу какой-нибудь компромат, где вы занимаетесь неизвестно чем... Поэтому выход у тебя остаётся один: поищи какого-нибудь наркошу, дай ему сотни... три! Ему небо покажется в алмазах, он за эти деньги сделает всё, что угодно! Он тебе за такие деньги кого хочешь устряпает! Тем более, Дэн твой живёт в дешёвой квартирке, явно без охраны, да любитель приложиться к абсенту... А в противном случае, дорогая, ты не только останешься с кукишем, но и не исключено, что твой благоверный устроит тебе пакость. Ваши общие знакомые, крутизна всякая, от тебя отвернутся... Будешь лазать по помойкам, да по чердакам — в лучшем случае!

Натали подняла глаза.

Дальше я с интересом наблюдала за её действиями. Я видела, как она пересчитывает незначительную по их меркам сумму в рублях, складывает деньги в рюкзак. После этого она вытащила из рамки фотографию Дениса крупным планом — рамку спрятала в шкаф, где лежали такие же. Одежда на ней в этот раз была скромнее — она завязала волосы в хвост, обмотала голову платком, надела тёмные очки.

Мы с Натали мчались в город на высокой скорости — впервые в новой жизни я смотрела на дорогу, разместившись рядом с водителем. Натали водила дерзко: притормаживала в последний момент, любила разогнаться в третьем ряду — я разглядывала браслет, что был на её руке, изучала салон Мерседеса. Затем заскучала и прикемарила.

Машину она оставила на боковой парковке спортивного клуба, но сама направилась в расположенный через дорогу магазин, бросив телефон в бардачок и туда же дорогое кольцо с браслетом. Я была разочарована — думала мы едем устранять препятствия, а она, оказывается, по магазинам решила пройтись!

Короткий шоппинг привёл нас к вещевому рынку — с этого момента мне стало интереснее: такая девушка, да что б на рынке одевалась? Натали будто перелистывала носки, но я заметила, как она искоса наблюдает за парнем, трущемся возле рядов. Затем она подошла к шарфам и стала так, чтобы тот же объект оставался в её обзоре. Парень периодически общался с разными людьми, а она ходила кругами. Наконец он куда-то направился, и она увязалась за ним.

Мы держались на некотором расстоянии за рослым, сомнительной репутации парнем. Она сжимала рукой воротник, скрывая нижнюю часть лица, а я не отставала. И тут она резко повернула в обратном направлении. Я удивилась неожиданному решению, но развернулась вместе с ней. Затем я оглянулась на парня — до него докопались менты, вот оно что...

Во время слежки Натали была предельно напряжена, а сейчас расквасилась: прислонилась рукой к стене, разволновалась. Нам издали было видно, что менты оставили парня в покое. Тот прикурил, сложив ладони от ветра, убрал в карман зажигалку, не спеша поплёлся по тротуару. Натали бросилась его догонять.

Парень повернул в арку, и мы прибавили темп. Вскоре мы увидели его спину — тот уже открывал подъездную дверь ветхой двухэтажки.

— Эдик! — окликнула его Натали.

Эдик замер. Мы остались стоять внутри арки, он сам подошёл.

— Наташка! Вот так встреча! — на него нахлынули эмоции.

Как-то не вязались эти двое: она — умасленная благовониями, и он — будто только что из наркопритона.

— Вот так встреча! — повторил он. — Не ожидал тебя здесь увидеть! Выглядишь классно! — Он насторожился. — У тебя всё в порядке?

— В порядке! — ответила она и сняла очки. — Пока ещё в порядке.

Затем они начали расспрашивать друг о друге. Свою жизнь он обрисовал в двух словах: жизнь бьёт ключом и всё по голове! Но и она пыталась строить несчастные глазки, жалуясь, что жизнь у неё не легче. Постепенно она подвела к теме о существовании опасного человека, способного повлиять на её судьбу.

— Ты тогда сказал, что готов на всё ради меня...

— И не отрицаю! Я и сейчас готов на всё ради тебя! — Парень пожирал её глазами. — Ты только скажи, что надо сделать? Может кому по рогам дать?

— Угадал. Только дать нужно так, чтоб вместе с рогами... копыта отбросило.

Выглядело нелепо, когда такой, как Эдик, онемел от услышанного. Он покрутил головой, удостоверившись, что поблизости никого нет, и разговор перешёл в деловое русло.

— Я хорошо заплачу! — произнесла она.

— Ну зачем ты так...

— Сказала, только за деньги! — вскипела она, затем нашла весомый аргумент: — Не парься, это деньги мужа.

Натали полезла в рюкзак, оглядываясь на другой конец арки.

— Здесь аванс: двести тысяч. По завершении получишь ещё семьсот. — Она снабдила его фотографией и продиктовала адрес. — Вот ключи от квартиры. — Передала ключи. — Там ни охраны, ни камер. Всё должно выглядеть так, будто он сам кого-то впустил и распивал с ним. А главное условие — у него нужно забрать телефон... И сразу уничтожь его: разбей вдребезги или сожги! Главное — немедля избавься от телефона!

— Понял.

— Всё должно быть сделано до субботы.

Я молчала на протяжении всего разговора, глядя на них, но решила встрять:

— Интересно, откуда у тебя такие познания о квартирке: ни охраны, ни камер? Ключи

где-то надыбыла... Хотя... я кажется догадываюсь — это ваше с Дениской тайное любовное гнёздышко.

Под конец Натали сделала мелодрамный жест: шагнула к нему и слилась в долгом поцелуе. Затем оторвалась, отступила на несколько шагов, надела очки, запахнула ворот, чтобы скрыть оставшуюся часть лица и пошла быстрым шагом прочь.

— Твой муж — ангел в сравнении с тобой! — прокричала я ей вслед, потому как осталась стоять на месте — разве я могла упустить столь уникальную возможность: увидеть, как работает киллер...

Эдик был представителем низкой социальной прослойки, и его жилище напоминало склад для всяческого барахла, которому место на свалке. Воняло тухлятиной благодаря вороху немытой посуды, а мусор в ведре по-видимому не выбрасывался неделями. В кухонном пожелтевшем окне отсутствовал кусок стекла — его роль выполнял целлофан, прилепленный скотчем. Газовая плита, когда-то белая, покрылась коричневой запёкшейся гарью. Ещё воняли пельмени, судя по обилию плесени не первый день плавающие в ковше.

Если мне придётся навеки обосноваться среди людей, я буду «гремять цепями» в любом другом доме, только не в этом. После того, как Эдик припрятал деньги, вернулся на кухню, взял с плиты ковш, вывалил содержимое в унитаз, смыл. Ковш сполоснул кое-как, наполнил водой, поставил на огонь. Достал из морозилки оставшиеся пельмени, бросил в кипящую воду, затем расположился за облезлым обеденным столом. Пока уничтожал пельмени, зависал в раздумьях — должно быть строил план, или вспоминал времена, проведённые с Натали.

Я угадала насчёт второго варианта: покончив с едой, он достал из серванта фотоальбом и отыскал страницу, где лежало несколько снимков — на всех она, совсем ещё юная. Мы долго её разглядывали. На двух фотографиях они стояли вместе обнявшись, обоим лет по восемнадцать. Тогда между ними не было столь огромной социальной дистанции, он выглядел вполне сносно, да и на ней был дресс-код: белый верх, чёрный низ и обычный бейджик. Глядя на них я попыталась угадать дальнейшие события, следующие за тем временем, что на фото: Натали начинает головокружительную карьеру на подиуме, а Эдик, видя, как она отстраняется, скатывается по наклонной. Затем она получает от состоятельного поклонника предложение руки и сердца — Эдик давно её благословил, куда раньше, чем оно прозвучало. Он желал ей самого лучшего.

В её расчётливости я несколько не сомневалась: пользуясь тем, что бывший не в силах забыть свою первую любовь, она толкнула его на риск, а, чтобы он ни минуты не колебался, подкрепила страстным поцелуем, чем взбудоражила чувства.

Мне надоело смотреть, как он истязает себя воспоминаниями, и я прошлась по квартире. На стене висели армейские фотографии — мне показалось, что он принимал участие в вооружённых конфликтах, правда, я не очень в этом разбираюсь.

Мы сходили за водкой и закусью в ближайший маркет — в ход пошли ещё не отработанные деньги, из которых он с целью экономии вытянул только одну купюру. А затем я убивала время в его компании — во всех отношениях скверной для меня. Кто-то звонил в дверь — Эдик не реагировал. Позже он вырубился на продавленном диване, а я осталась сидеть в углу, рядом со стулом, заваленном вещами. Я наблюдала за темнотой, как она ползёт по стенам к потолку, а на рассвете покидает дом в обратном порядке. Я вдруг всплакнула, вспомнив о людях, которых мне не хватало. Я могла бы проводить время среди них, помогать им в чём-то, а не ютиться у чужаков. Но у меня была цель. Когда-нибудь я

отыщу моих близких, оставшихся в реальной жизни — когда покончу с этим дерьмом.

Весь следующий день мы провели в наблюдении за объектом. Ближе к вечеру объект покинул адрес — Эдик набросил капюшон чёрной толстовки и выдвинулся к подъезду. Дверь он открыл домофонным ключом, поднялся пешком по лестнице на пятый этаж, огляделся по сторонам, нажал звонок — не дождавшись ответа, вставил ключ. Я с трепетом наблюдала, как в жилище проникает вор и убийца, хотя по идее была его соучастницей. Он крался, шарил глазами по предметам, заглядывал в ванную и туалет — на нём были чёрные перчатки. Квартира оказалась стандартной трёхкомнатной, обставлена прилично, по крайней мере для меня. Не знаю отчего Денис воротил нос — жить здесь можно, или мне так показалось после Эдикова гадюшника...

Убийца заметил местечко за плотной гардиной, попробовал там встать, затем вернулся, сел, где поудобнее и принялся ждать.

На электронном будильнике светило девятнадцать с двумя нолями. Часа через три в замке провернулся ключ — Эдик сорвался с дивана и занял позицию, но хозяин пришёл не один, с ним была хохочущая баба: красивая, эффектная, только без царя в голове.

Денис выставил на столик две бутылки разного алкоголя, распечатал контейнеры с роллами, густо облепленными икрой, нажал на пульт от телевизора — тут же ворвался громкий клип. Им было весело, а в нескольких метрах от них, за шторой, притаился убийца. Но им пока было весело.

Если Эдик не откажется от намеченного плана и не перенесёт его на другой день, потому что до субботы оставалось ещё два дня, то хохочущая девица попадёт под раздачу. А может ей повезёт, если Денис от неё скорее избавится и останется один. Я могла лишь гадать.

Насладившись напитками и закусками, пара отправилась в спальню, где стояла широкая белая кровать. Кажется, Денис плевал на всё: на раздор с отцом, на чувства к мачехе... Эдик терпеливо ждал, и я сидела отрешённо, охваченная сомнениями: а может стоило всех простить?

Если бы речь шла только обо мне, может быть... Но за Веронику и её не родившегося ребёнка им всем придётся ответить.

Нам пришлось достаточно долго ждать, когда они стихнут. И ждать дополнительно для страховки... Наконец, шторка слегка приоткрылась.

По моей коже пронеслась холодная дрожь, я привстала. Вор наклонился над столиком, не удержался — заголкал себе в рот приглянувшийся ролл, взял телефон Дениса, заглянул в него, убрал в карман, продолжая жевать. Меня поражало его хладнокровие. Бесшумной поступью он крался дальше, вводя меня в оцепенение и вызывая всё больше сомнений в правильности происходящего. Пришёл на кухню, вытянул нож из подставки — медленно, не издав ни единого звука. Я наблюдала, как он проходит мимо меня... в спальню.

Сначала он стоял и прислушивался — измождённые голубки тихо посапывали. Чёрный силуэт с ножом в руке всё так же медленно сделал ещё пару шагов, он крался будто пантера перед прыжком. Я опустила взгляд на Дениса — тот спал, как ребёнок: со сложенными ладошками под щекой и приоткрытым ртом. Его подруга лежала дальше, свесив руку с другой стороны кровати — мы видели только её спину.

Ко мне вдруг пришло осознание того, что это уже слишком. Расплачиваться должен Олег. До кучи можно устроить так, чтобы и Натали досталось... А Денис — глуповатый, запутавшийся, и в то же время обладающий добрым сердцем, которое в нём, к сожалению,

видела я одна. Я знала больше, чем остальные, замечала, как он стыдится своих положительных качеств, изображает — именно изображает эгоиста и циника. Да, он совершал множество ошибок, но за период проживания с ними я отметила, что он походил на пса, которого приласкали, а затем вытолкали за ворота. И он возвращается снова и снова, чтобы получить хоть каплю любви, хоть ломоть хлеба, но ничего не получает. Своей семье он больше не нужен.

Из всех злодеев сейчас получит самый тот, кто меньше всего заслуживал. Я должна была предотвратить это безумие, я начала выкрикивать его имя, попыталась его разбудить, а убийца по-прежнему крался. Секунда в моём сознании растянулась длинной в час. Не сумев разбудить, я впала в истерику: кинулась к двери, начала долбить в неё, чтобы кто-нибудь прибежал на помощь и снёс эту дверь... Да выпустите же меня отсюда! Выпустите меня! Умоляю...

За спиной послышался звук — тот самый звук отчаяния. Дело сделано — убийца бросился покидать место преступления. Дверь открылась — я вывалилась наружу. Вместе с ним.

Он торопливо спускался вниз — я видела сквозь щель между пролётами, как он теряется из виду, перебирая ступеньки под ногами, но я за ним не бежала, а вяло спускалась, цепляясь за перила. Периодически останавливалась, фокусировалась на одной бесцельно выбранной точке в бетонном пролёте. Ноги меня не слушались, я волочила их, ступенька за ступенькой. Затем упёрлась в закрытую дверь — он покинул дом, я опоздала.

Дальнейшие минуты я стояла, подпирая крашеную стену, размалёванную маркером, пока не сработал домофон — вбежала полиция. Меня удивил их столь ранний приезд, я больше склоняясь к тому, что кто-то их вызвал по другому поводу. Теперь мне было всё равно. Я семенила по улице, не замечая мелкую морось, просто шла в никуда.

Я шла в свой дом — по привычке стремилась в облюбованное мною место: оно находилось за городом, и у меня работала горничная по имени Гуля. Я прошла пешком десятки километров: автобусы уже не ходили, машины проносились слишком быстро, и я понятия не имела — какая из них движется в нужном направлении. Мне пришлось идти через лесок, сквозь заросли — так было короче. Сухие ветки меня не задерживали — я проходила сквозь них, они даже не издавали хруста. Так почему же я не могу пройти сквозь такую же древесину, только в виде прямоугольного полотна? Что со мною не так?

В один момент я покатила в овраг, разозлилась, что придётся карабкаться вверх по крутому склону. Взлетела — подпрыгнула над поверхностью земли так, если бы подо мной была пружина — она подкинула меня, и я снова брела вперёд, по прямой траектории. Ночь была тихой, мокрой, безжизненной — именно таким я представляла место, куда попадают после смерти. Небо над головой затянулось, вдали светлело полосой, разрезающей темноту. Иногда показывалась луна — слишком яркая, она освещала дорогу — маршрут, который мне был известен и без её помощи. Почему я настолько легко ориентировалась? Не знаю. При жизни я бы сто раз заблудилась в этих дебрях.

Наконец начался асфальт — я добралась до населённого пункта, где понастроили себе особняков такие, как Олег. Первые дома — точнее те, что располагались в хвосте посёлка, были скромнее проектами. Меня заинтересовал один, со всеми светящимися окнами и множеством припаркованных автомобилей за пределами участка — я перемахнула через высокий забор и заглянула в окна. Там проходила вечеринка у свингеров: народ, одетый в соответствующей тематике, общался, пил и веселился. Зрелище мне показалось скучным в

сравнении с криминальным шоу, с которого я только что прибыла.

Я добралась до своего дома, так же перемахнула через забор. На втором этаже горели окна — странно для этого часа. Дверь, впрочем как всегда, меня не слушалась, и я забралась на балкон, а с него перелезла к окнам спальни: Натали с волнением разговаривала с кем-то по телефону, Олега не было видно. Мне пришлось стоять, прислонившись лицом к стеклу и в течение долгого времени наблюдать, как она ходит, хлещет бокал за бокалом, валяется на кровати с открытыми глазами, не выключая свет...

Ближе к рассвету припарковался Инфинити — вышел Олег Маратович. Я тут же соскочила с балкона и юркнула вместе с ним.

— Милый, ну что? — встретила его жена. — Я вся на иголках... Ты не звонишь... Понимаю, тебе сейчас не до меня.

— Операция прошла успешно, слава богу! — бодро ответил ей Олег. — Мне сразу сообщат, как только придёт в сознание.

Меня шокировали два момента: первое — парень жив (я не сомневалась, что речь шла именно о нём — это было ясно, глядя на состояние родителя) и второе — ответная реакция мачехи.

— Ну слава богу! — облегчённо выдохнула она и бросилась обнимать мужа. — Я несколько не сомневаюсь, что он выкарабкается... Ты сам прозвал его толстокожим.

Олег Маратович рухнул на диван, вытирая пот со лба. Гуля протянула ему стакан воды, он его жадно выпил.

— Какой же я дурак! Как я мог поселить родного сына в трущобы? Вот остолоп! — начал он себя корить. — В подобных местах сразу появляются всякие прощмандовки, вроде этой... Наркоманка чёртова! Ну надо же... Это как надо было обкуриться, или упиться, чтобы проснуться и первым делом захотеть человека ножом пырнуть?! — Он недоумевая уставился на слушателей. — Тварь! Потаскуха! Дешёвка продажная! Ну ничего-о... Теперь не отвертится! Отец у неё знаешь кто? Да никто! Держит автомастерскую где-то в районе Заводской — значит, пожизненно будет работать на Денискино лечение! А эта дрянь пусть получит на всю катушку! Я все свои силы задействую, все связи... Ничего не пожалею! Теперь не отмажется!

Натали с ним была согласна. Она лишь кивала и слушала, а ему не терпелось выговориться. Гулю он отправил спать дальше, ему хватало одной Натали, её пристального внимания, её переживаний, неподдельного интереса к событиям, связанных с сыном.

— Пусть только сядет... А там я ей устрою сладкую жизнь! — Олег Маратович нервозно качал ногой, с размахом обхватив диван — так он выглядел, когда строил императорские планы, выставлял на люди своё превосходство. Выражение лица так же соответствовало: в такие моменты лучше не быть среди его подчинённых — может сравнять с землёй.

В моей памяти всплыли события, когда он выскочил из машины, нервный и злой, как сейчас, и направился прямо к нам широким шагом — ему плевать почему человек ошибся при езде. И сейчас ему плевать, что на сына напал кто-то другой, а девушка не виновна... Главное — раздавить казювку.

Натали пожаловалась на усталость, накотившую от волнений за мальчика — они решили подняться наверх. День впереди предстоял не из лёгких: придётся снова мотаться в больницу, договариваться с врачами... Олег настроился на пару часов сна, но жена привязалась с расспросами, будто из чистого интереса: при каких обстоятельствах всё

произошло.

— Мой сын всегда был не разборчив в бабах...

Я заметила, как Натали сконфузилась.

— Вот и приволок очередную, как бы поприличнее выразиться, шваль! Посидели они там... в квартире на Пролетарской, выпили... И тут у неё в мозгу перемыкает: она берёт с кухни нож, подходит, бьёт его с силой и начинает орать... Да так, что соседи проснулись. Самое интересное — никто из квартир не вышел до приезда полиции. Сидят все по норам, моя хата с краю... Тут каждая секунда на вес золота — истёк бы парень кровью, подоспей скорая чуть позже! А все сидят... слушают, как эта истеричка вопит.

— Она сама призналась, что пырнула его? — Мне была ясна цель вопроса, который озвучила Натали, а тот продолжал по простоте душевной делиться всем, чем располагал:

— Поначалу она созналась в содеянном, но потом, во время допроса, сказала, что ничего не помнит, пьяная была в стельку.

— Смотри, как удачно складывается, — вставила я лепту, обращаясь к Натали. — Все с радостью ухватились за версию с обезумевшей бабой, даже потерпевшая сторона не против... Лишь бы не заморачиваться. А насчёт Дениски... Если он очухается, тут, я думаю, ты справишься: придёшь к нему в больницу с апельсинами, про любовь напоёшь... Они с отцом теперь сто пудов помирятся, и ты пообещаешь Дениске новый виток в ваших отношениях — вы будете врать Олегу и дальше. Кстати, ключи от квартиры на Пролетарской попроси вернуть обратно — вам же надо будет где-то снова встречаться.

Натали обкусывала губы — я это видела в полумраке. Должно быть, её мой расклад не устраивал. Признавайся, стерва: хочешь, чтобы твой любовничек никогда не проснулся? Надоел он тебе?

У меня пропало стремление её подначивать: Денис выбыл из списка, кого я собиралась отправить на тот, вернее на этот, свет. Моей целью по-прежнему был папаша, я наблюдала, как он пытается заснуть: закрывает глаза, снова открывает, услышав малейший звук, в основном исходящий от жены, которой... в связи с открывшимися обстоятельствами стало не до сна. Оба молчали. Каждый погряз в своих думах.

— Послушай... — вдруг он заговорил. Натали на него взглянула. — У тебя не бывает такого... странного ощущения... будто в нашем доме происходит какая-то дьявольщина?

— Ты это о чём?

Он начал переворачиваться и лёг к жене спиной, продолжая:

— Надо бы освятить здесь всё... Энергетика стала... нехорошей. Беды посыпались одна за другой. Может я спятил, но иногда мне мерещится, будто кто-то смотрит на меня в упор.

— Разумеется! Охранник на тебя уставился! Для чего нам столько камер? Чтобы он на нас пялился от скуки?

— Да нет, не охранник... Я чувствую на себе чей-то взгляд именно там, где камеры не висят, и вообще где я нахожусь один.

— Ну например?

— Например, в этой спальне.

Натали затихла. После того, как до обоих дошло, они одновременно повернулись друг к другу лицом.

— Пригласи кого-нибудь проверить: не спрятаны ли в доме скрытые камеры, — обеспокоенно сказала она.

В девять утра Олег Маратович планировал уезжать. Невооружённым глазом можно было

заметить, что сегодня он вёл себя в отношении прислуги особенно холодно — я не удивлялась: его личные беды всегда отражались на окружающих. Энергетический вампир. И была ещё одна причина: теперь он подозревал в измене каждого, вхожего в дом, в то же время всецело доверяя реальному врагу — любимой женщине.

Первым делом мы с Олегом приехали в офис, где он отдал распоряжения. Затем появился важный деловой партнёр, но стоило секретарше принести беседующим чай, как позвонили из больницы. Олег Маратович сорвался с места — партнёр отнёсся с пониманием.

По пути в больницу он набрал Натали, чтобы сообщить радостную весть: сын пришёл в сознание. Я отвернулась к окну, оперев лоб на ладонь и говоря всем своим видом: господи, нашёл кому звонить...

— Ну что, обрадовал? — повернулась я, когда Олег Маратович завершил разговор. — Прыгает там теперь от радости... твоя кисуня? Или вынашивает новый замысел... как устранить вас обоих!

Олег Маратович следовал по коридору хирургического отделения в сопровождении заведующего, тот давал положительный прогноз, говорил, парень идёт на поправку. Я от них не отставала, одновременно вращая головой по сторонам. Запах мне здесь не нравился: смесь рисовой каши и хлорки, или другой химии, от которой меня всегда воротило. После дождя стояла духота, так как окна открывали не часто, боясь застудить больных. Но радиаторы отопления пахали на всю катушку — кто-то даже обмахивался журналом.

Нас завели в сияющую чистотой палату, которую занимал один Денис. Здесь начинался иной мир: атмосфера была приятной, температура комфортной... Молодая медсестра поправляла капельницу. Завидев вошедших поздоровалась, после чего сразу удалилась.

— Только недолго, Олег Маратович, — сказал заведующий. — Ему сейчас крайне нежелательно волноваться.

— Я волновался, пока не увидел папу... — промямлил раненый. — А теперь наоборот... успокоился. — Мужчины уставились на него. — Оставьте нас с ним наедине... пожалуйста.

Доктор, дав разрешение, покинул палату, а Олег Маратович присел на стул и положил руку Денису на плечо, слегка наклонился.

— Ну ты как? — спросил он.

— Как в детском садике: няньки, горшки... — Сын отвечал вяло, заторможено. Сейчас он напоминал ребёнка-переростка, ещё не научившегося ходить. — Побыстрее бы отсюда выписаться, домой хочу.

Олег Маратович отвёл глаза с тяжким вздохом, затем взглянул на сына, ободряюще пожал его кисть, начал уверять:

— Скоро я заберу тебя отсюда, сынок! К нам домой. Ты только не волнуйся! Ты поправишься, всё наладится. И с этой я разберусь...

— С кем?

Отец непонимающе посмотрел на сына.

— Ну, с этой... что тебя порезала.

На лице Дениса образовалась жалкая улыбка, он начал издавать звуки прерывистого смеха, вовсе не похожие на смех — как умел в его положении, так и пытался изобразить отношение к словам отца, некий сарказм, не всем понятный. Отец застыл в ожидании, пытаясь вникнуть, что всё это значит.

— Пап! — тот продолжал прерывисто хохотать из последних сил. — Пап, вы что, на Ленку подумали?

— А на кого ещё? — Олег Маратович растерянно смотрел на сына. — Она ж сама призналась!

— Эх, папа, папа... — Денис успокоился. — Так даже к лучшему. Я тебе сейчас расскажу, а ты сам решай, что нам делать дальше.

Отец пододвинул стул, не теряя внимания. Он приготовился слушать.

— Я чудом остался жив... Повезло — проснулся внезапно.

В это время я ходила кругами, заложив руки за спину. Теперь я не жалела, что выбрала общество Олега на сегодняшний день, хотя поначалу намеревалась остаться с Натали, так как ожидала от неё резких необдуманных действий. Безусловно, она попытается найти своего дружка Эдика, наедет на него, давя на слабые места, а затем посвятит его в новый план: как всё-таки добить недобитого.

— Я услышал как меня назвали по имени, — рассказывал сын. — Это был голос мамы — мама всегда меня оберегала. Она закричала: «Денис, просыпайся! Тебя хотят убить!»

Насчёт мамы я вставила пару реплик, посмеялась над его больным воображением, после чего затихла, опасаясь, что живые могут меня услышать.

— Тут я просыпаюсь и вижу чёрный силуэт во мраке... Он надо мной навис — мужик с

тесаком. Он замахнулся — я едва успел увернуться, только нож всё равно меня зацепил. Я схватился за рану, чувствую — кровь... А его что-то спугнуло — когда он подходил к Ленке: нож, кажется, в руку вкладывал. Дальше ничего не помню.

Олег Маратович не шевелился в потрясении. Уверена, он уже начал перебирать возможных заказчиков и сводил всё на личный счёт, в первую очередь связав нападение с бизнесом, которым он управлял. Он стал подозревать не только прислугу, но и людей, имеющих отношение к его доходам. А я была довольна. Я планомерно расшатывала его здоровье, наполняя мысли недоверием к окружающим людям. А теперь, Денис, давай немного подумаем... Пошевели мозгами: кто подослал к тебе убийцу? Давай, сообщи отцу!

— Пап! — Денис взглянул на отца так, что Олег напрягся, приготовился жадно внимать каждое произнесённое сыном слово. — А ведь это она его подослала...

— Кто?

— Наташка твоя!

Олег Маратович побледнел, нижняя губа начала подрагивать. В палату неожиданно вошла медсестра с лекарствами — он на неё рывкнул так, что та пулей вылетела из палаты.

— Что ты сейчас сказал? — обратился он к сыну.

— Наташка твоя. Я ей на днях пригрозил, будто расскажу тебе кое-что интересное, дал ей подумать времени до субботы. Вот и подумала.

— Погоди, сынок... — заёрзал отец. — Ты хоть отдаёшь себе отчёт, выдвигая подобные обвинения?

— Отдаю, пап. Ты многого не знаешь. Я думал: она меня любит, а она меня вон как опрокинула. Я думал, что и ты меня любишь, но ты меня опрокинул не меньше — не задумываясь выкинул из дома, а Наташку даже не заподозрил. Я никогда не был твоей гордостью, па... Ты меня постоянно стыдился. Вместо того, чтобы самому заниматься мной, предпочитал денег отдать...

Олег Маратович слушал его исповедь в состоянии невыносимого шока — до этого разговора он был слеп, или предпочитал ничего не видеть. Действительно, его не касалась семейная возня — он не только, приезжая домой, одевал маску беззаботного мужа и отца, но вместе с ней розовые очки. А теперь его заставили шире раскрыть глаза, можно сказать, принудили это сделать.

— Перед тем, как у нас с Натали начался... ну этот... роман, — продолжал шокировать сын, — у меня зуб на тебя был... Помнишь тот конкурс? Я думал: сам его выиграл, а тут вдруг узнаю, что это ты судьям проплатил. Я гордился, я хвалился, что занял первое место... Думал: я такой талантливый, неординарный... А потом меня словно из чайника кипятком облили — никакой я не талантливый, и вообще debil. Я просто был тринадцатилетним ослон, возомнившим, будто сам мог его выиграть. Когда мне об этом сказали, мир вокруг перевернулся.

— Наташка проболталась... — недовольно процедил сквозь зубы отец. — Вот дрянь!

— Теперь уже неважно, па — кто проболтался...

— И когда это у вас началось?

— Теперь неважно, па — когда началось... Всё неважно. Абсолютно всё.

Раздавленный признанием сына Олег Маратович отвернулся, опустив локти на разведённые колени. Он сидел сгорбившись, безучастно, разглядывая пол под ногами.

— Ты не беспокойся... — продолжал Денис. — Я ваш с Натали дом больше не потревожу. Хватит с меня. Тем более его кто-то проклял, хрень там какая-то творится. —

Отец поднял голову. — Нечистая сила завелась — я отражение в зеркале видел. — Отец напрягся, а сын не умолкал: — Когда стоял перед зеркалом в ванной за моей спиной будто девушка прошла... В полосатой рубашке и голубых джинсах.

Мы с Олегом застыли на местах: он — возле кровати больного, я — у окна. Казалось, что последняя затронутая тема вытеснила предыдущие — «немаловажные». В палату вернулся заведующий хирургией и начал убеждать посетителя заканчивать: больному нужен покой.

— Ещё немного, Алексей Палыч... — оживился Олег. — Буквально ещё пару слов.

— Всё нормально, док! — махнул хирургу пострадавший. — Я с отцом поговорил — будто камень с плеч свалился, дышать стало легче. Я прямо на глазах исцеляюсь.

Врач посмотрел скептически, но договорить позволил, сказал, что вернётся через десять минут.

— Что ещё ты видел в нашем доме? — засуетился отец.

— Много чего... Я постоянно ощущал, будто в комнате нахожусь не один.

На всякий случай Олег предложил вчерашнюю версию — этим он хотел узнать мнение сына:

— Ты допускаешь у нас наличие скрытых камер?

— Да при чём здесь камеры?! Я слышал собственными ушами голос... рядом, будто она лежит на моей кровати прямо возле меня и шепчет мне на ухо. Периодически чувствовал, как ко мне прикасаются, щекочут... И как-то за ужином бокал накренился — он так и стоял в небольшом наклоне, а я смотрел охреневший...

Моё внимание привлёк вид из окна: листья клёна устлали газоны, асфальтовые дорожки потемнели от сырости. Холодало, снова накрапывал дождь. За спиной раздавались голоса — поднялась другая тема, вовсе не разрешающая недавно упомянутые здесь проблемы, — отец и сын углубились в мистику, они обсуждали мои проделки. Я чуть не прозевала выход Олега из палаты — в противном случае отстала бы от него, и он бы уехал. Мне бы пришлось добираться на своих двоих, тем более я не знала его следующего маршрута.

— Ты прости меня, па... — сказал вдогонку Денис, когда отец выходил из палаты. — За всё прости!

Пока водитель нас вёз, в телефоне высвечивалась Натали. Олег Маратович демонстративно не брал. Я не ощущала должного удовлетворения от продвижения в планах мести, хотя семейная жизнь моего врага затрещала по швам и счастливым теперь его нельзя было назвать.

Домой мы приехали поздним вечером. Натали так и не дозвонилась до мужа, её сообщения никто не читал. Не представляю, как она провела сегодняшний день — не удивлюсь, если встречалась с Эдиком и ровно так же не удивлюсь, если предпочла никогда больше с ним не встречаться.

Олег Маратович вошёл в дом серьёзным, спокойно снял верхнюю одежду, отдал её горничной, проследовал в кабинет, по пути бросив жене приглашение пройти вместе с ним. Сегодня он не снял маску начальника, собравшегося огласить приказ об увольнении. У Натали тряслись поджилки. Наверняка она допускала: не всё потеряно, и расстроенное поведение мужа могло быть вызвано состоянием, возникшем в связи со смертью сына — о чём она сейчас боялась спрашивать. Но, если она так считала, то напрасно тешила себя иллюзией.

— Предлагаю тебе на выбор два варианта... — начал он. — Первый...

Даже я напряглась в ожидании, не говоря уж о Натали — та просто осыпалась, онемела в предчувствии надвигающейся беды.

— Первый: ты и твой дружок садитесь за покушение на убийство моего сына и дадут вам по полной, можешь не сомневаться. И второй вариант: вы с моим адвокатом подписываете бумаги о разводе, и ты ни на что не претендуешь — в этом случае останешься на свободе.

Она хотела открыть было рот, но передумала, встретившись с пронзительным взглядом мужа.

— И ещё. В обоих вариантах ты сиюминутно уходишь с тем, с чем пришла. — Олег распахнул перед ней дверь кабинета. — Времени тебе даю на раздумье — до субботы!

Натали, одетая в домашний шёлк, медленно выплыла из кабинета, теребя пальцами поясную кулиску. Остановилась, обернулась с умоляющим взглядом, но Олег Маратович громко закрыл за ней дверь, оставшись в одиночестве. Он не препятствовал сбору многочисленных дорогостоящих «тряпок», хотя по идее пришла она без них, он прикладывался к спиртному, глушил боль.

Час спустя водитель погрузил в багажник чемоданы и по распоряжению хозяина повёз её в родительскую квартиру — судя по названному адресу в тот самый старый район, где состоялась встреча с Эдиком. Мерседес Натали остался в собственности у Олега.

Я провожала её, с тоской за ней наблюдая. Натали выглядела заплаканной — несмотря ни на что Олег Маратович был непреклонен. В спальне, гардеробной и прилегающих комнатах валялись её вещи — если что-то она решала не брать, то попросту откидывала с сторону. Олег молча стоял и смотрел на разбросанные бюстгальтеры, туфли и предметы ухода, затем отправился спать в гостевую комнату.

Расположившись в холле, я разглядывала стены и узорчатые кованые лестничные перила, и размышляла о том, с какой лёгкостью мне удалось убрать лишние фигуры с шахматной доски. Теперь мне оставалось поставить королю шаг и мат — я не знала как. Надеюсь, мне в скором времени представится такая возможность, и я ею воспользуюсь.

Уже на следующий день со стен были сняты все фотографии Натали — её галерея славы. По указанию Олега Маратовича водитель оставшиеся личные вещи отвёз по тому же адресу — хозяин объявил своему персоналу: чтобы к моему приезду о ней ничто здесь не напоминало.

Позже, когда были подписаны документы о разводе на условиях Олега Маратовича, я узнала о том, что Эдика жестоко избили неизвестные — это показали в одном из видео на сайте городских криминальных происшествий, который просматривал повар. Видео снимал кто-то из зевак в момент погрузки носилок в машину скорой помощи. Разбитое лицо Эдика сложно было узнать, но я узнала татуировку. Можно догадаться чьих рук это дело.

Натали многократно и безуспешно пыталась дозвониться до Олега — потеряв терпение, он занёс её в чёрный список, а общался только через адвоката. Дениса выписали из больницы. После выписки отец привёз его в элитную квартиру, расположенную в центральной части города и приставил молодую сиделку с медицинским образованием, к которой тот быстренько нашёл подход.

Наш загородный дом посещали разные люди. Первым приходил батюшка и совершил ритуал во всех помещениях, окропив святой водой каждого, кто ему попадался на пути. Даже меня случайно окропил, но я почему-то не покинула этот мир и не оставила в покое освящённое жилище. Олег Маратович первое время чувствовал удовлетворение, говорил, что

энергетика дома улучшилась, но до тех пор, пока снова не ощутил присутствие потустороннего — на этот раз я случайно задела баночку с таблетками, и они просыпались. Он уставился на лекарство, осмотрелся по сторонам — глаза его были полны тревоги. На следующий день появился экстрасенс: прошёлся с умным видом несколько раз мимо меня, обнаружил сгусток чёрной энергии в каком-то особенном углу, к которому я и близко не подходила за всё проживание здесь, затем продал Олегу за огромные деньги предметы культа — якобы орудие в борьбе с такими, как я.

Дней через пять дом посетила именитая специалистка по тонким субстанциям, разодетая в чёрное и блестящее. Все её десять пальцев сверкали крупными перстнями и кольцами, а грудь украшал увесистый кулон. Она разъяснила клиенту, что причиной всему — строительство дома на месте старых захоронений и предположила, что раньше здесь могло находиться кладбище или массовое захоронение, появившееся, например, во время мора. В связи с этим Олег Маратович обратился к компетентным знакомым, которые собрали материал по данному местоположению вплоть до семнадцатого века: на земле, где он жил, всегда простирались одни леса. Не успокоившись он звонил чёрным копателям, обращался к профессору-историку, к археологам, но безуспешно — его никто так и не «порадовал» легендой о жутком массовом погребении невинных жертв, закопанных живьём именно в этом месте, где возвышается его роскошный особняк.

Однажды я не поехала с ним в город, полагая, что в такой слякотный из-за снега с дождём ноябрьский день не должно произойти ничего интересного для меня. Олег Маратович вернулся домой возбуждённым, в предвкушении волнующего события.

— Не пропусти поворот! — объяснял он кому-то по телефону. — А дальше всё время прямо... Да-а-а... Повернул? Теперь прямо, прямо, пока не увидишь... А-а-а... Всё время долблю, как дятел? У меня ж кликуха соответствующая — Дятел и есть. — Он засмеялся, продолжая ходить с телефоном под ухом.

Немногим ранее прислуге было велено разжечь камин, затем он отдал распоряжение горничной готовить ужин на две персоны — та мигом отправилась к повару. Дождаясь гостя, он крутил в руках бутылки, выбирая алкоголь. Выбрал, поставил на столик. Впервые видела его таким довольным.

Обычно гостей встречала Гуля, но в этот раз он сам выбежал под дождь, чтобы лично встретить гостя. Я стояла, прислонившись плечом к стене, неподалёку от входа, не горя желанием выскакивать на улицу вместе с ним в такую погоду. Вообще в этот день я вела себя флегматично.

За дверью раздались оживлённые мужские голоса.

— Здорово ещё раз поближе! — бодро говорил Олег Маратович. — Он первым входил в дом, при этом сияя от радости. — Давай, заходи, чёрт пропащий!

Я увидела мужчину в профиль и остолбенела — это был мой отец. Я шла за ними словно замороженная, не в силах вымолвить ни слова, а Олег тем временем продолжал, хлопая отца по плечу:

— Ну здор-рово, чертяка! Сколько лет не виделись! — Он дружески трепал его и пребывал вне себя от радости.

— А я иду и вижу: Дятел! — прозвучал до боли родной отцовский голос, и у меня выступили слёзы, а отец продолжал: — Смотрю, с врачами языком треплет... Ещё ломал голову: окликнуть или мимо пройти... Ты ж теперь вон какой! К тебе теперь на козе не подъедешь! — Мужчины посмеивались. — Я тебя не сразу узнал!

— Хочешь сказать: изменился?

— Ещё бы!

— А ты совсем не изменился! Такой же ушастый... Ну иди сюда! — Олег снова обнял гостя, хлопая по спине.

— Пап! — наконец я услышала собственный голос, пронзивший пространство. — Пап, ты его знаешь? — Я заглядывала отцу в глаза, это были другие глаза, внезапно состарившиеся, с выраженной сеткой морщин у висков. — Откуда ты его можешь знать? Он убийца! Он убийца твоей дочери! Зачем ты сюда пришёл?

Но мужчины меня не слышали, они смеялись — смеялся отец, только с болью в глазах, не так, как прежде.

— А я искал тебя в соцсетях! — громко говорил Олег. — В этих самых... в «Одноклассниках»!

— Да я там не сижу...

— Не сидит он... Гуля! Давай неси нам... накрывай корочке!

Взгляд отца пробежался по комнате, которая совмещала в себе каминную с библиотекой.

— Ну и дояра ты себе отстроил! — прокомментировал гость. — Прямо олигарх!

— Пап! Он опасен! Беги отсюда!

— Отстроил... Для большой семьи строил, а в результате живу в нём один. Жену прогнал... — Я удивилась такой откровенности. Обычно Олег не любит обсуждать свою личную жизнь. — И сын съехал — но то вообще отдельная история. — Он разлил по стаканам коньяк, закрутил крышку. — Ну а у тебя-то как? Давай, рассказывай!

Я вращала головой с одного на другого, злилась в ожидании, что и отец начнёт откровенничать... Так дело дойдёт до меня, а я не хотела напоминать о себе, я не хотела, чтобы Олег догадался, чья тень бродит по его дому, я не хотела, чтобы он начал ко мне обращаться по имени и разговаривать со мной...

— Про Маринку мою слышал? — спросил отец.

Оба разместились за низким столиком с фигурными ножками — Гуля завершала подачу, а я пыталась сообразить: почему отец начал рассказывать свою биографию с момента смерти мамы — истории восемнадцатилетней давности?

— Слышал, слышал... — с грустью произнёс Олег, после чего задумался, затем вернулся к беседе: — Сколько дочке вашей было, когда она умерла?

— Девять. — Всё-таки речь обо мне зашла! Я уставилась на отца с претензией.

— Мы тогда с Маринкой... как только она родила Софью сразу уехали в Волгоград, — начал вспоминать отец. — Девять лет мы прожили в Волгограде... Когда её похоронили, я остался с двумя девочками — там старшая ещё, помнишь? Вероника.

— Да, да... Веронику помню.

— Веронику ты помнишь?! — внедрилась я. — Как у тебя язык поворачивается произносить её имя, сука?! Веронику ты помнишь?! Как орал на неё, беременную, помнишь?! Как угрожал нам... Как... убийцу своего подослал!

Мужчины произнесли первый тост за встречу, выпили, закусили, отец продолжил:

— Работа у меня командировочная... Пришлось вернуться сюда. Здесь за девочками могла приглядывать, пока я в отъезде, Маринкина сестра — Люба, помнишь?

— Конечно! — засуетился Олег. — Как я могу не помнить Любашку? — всплеснул он руками.

— Это откуда ж ты всех моих знаешь, сволочь?! — не унималась я. — И тётю мою он, видите ли, знает... Тогда какого чёрта ты в нас стрелял? Куда ты глаза отводишь, гад?!
Смотри на меня!

Я с остервенением пнула по китайской напольной вазе — раздался странный гул. Беседующие замерли, прислушались.

— Это в камине, — пояснил Олег. — Огонь разогнался. Кстати, как там Любашка-то?

Мне показалось, что он соврал — на самом деле он понял природу этих звуков, но не хотел отпугивать дорогого друга от своего проклятого дома.

— У Любашки всё нормально. Собственно говоря, я после разговора с ней решил тебе позвонить. Я ей рассказал, что тебя сегодня встретил... А так... постеснялся бы напрашиваться к тебе на ужин. Ты вон каким стал!

Олег Маратович застыл с бутылкой в руке, подумал и спокойно продолжил разлитие. Закрутил крышку. В его голове запустились процессы: догадки, домыслы, предположения, фантазии... Тут он вдруг что-то вспомнил, начал хихикать.

— Знаешь кого я вспомнил? — Он продолжал смеяться. — Вальку, твою соседку.

Отец залился краской, стыдливо опустил глаза, тоже начал улыбаться.

— Толстую?

— Она не толстая, она мускулистая, — гордо поправил Олег. — Помнишь, как она из бани выскочила и погналась за нами... в чём мать родила? Когда мы в окно за ней подглядывали. — В Олеге проснулся проказник.

— Да нет, она полотенцем прикрылась... — вновь смутился отец.

— Да обронила она его, пока ведро в тебя метала! Она ж мастер спорта по метанию копья! — из Олега Маратовича хлестали эмоции, глаза блестели. Я снова подметила, что никогда не видела его настолько радостным.

— Не мастер... — улыбался отец.

— Ну кандидат! Всё равно синяк у тебя долго заживал! — Олег захохотал ещё громче. — Ой, дураками мы были-и... — Он вытер слёзы радости. — А щенят помнишь? Ты всё кобелька себе хотел... И не хрена в них не разбирался! — Олег захохотал, запрокинув голову. — Тебе подсунули, ты и взял! — Друзья угорали от оба. — Вымахал такой — Адам! А оказался Евой!

— Пап, а чего ты смеёшься? Развеселился так почему? Ты пока не в курсе, с кем сидишь за одним столом? Знал бы — убил, а не обнимался.

— А как мы с тобой эксперимент проводили в посадках? — посерьёзнев спросил отец, опустив слово «помнишь». Оба притихли, затем стали шептаться, оборачиваясь на дверь. — Сколько леса тогда сгорело?

— Говори тише.

— А пожарок сколько тогда приезжало тушить? — Отец подтянулся ближе к Олегу. — Во-от... Мандраж до сих пор остался. Тебя, наверно, сейчас ничем не напугаешь, а этот случай наверняка до сих пор боишься вспоминать.

— Бабка твоя нас тогда чуть не убила... — понизив голос сказал Олег. — Но, главное, молчала, как партизан, никому ни слова не сказала. Ты же знаешь, она ничего утаить не могла — тут же выбалтывала первому встречному, а эту тайну унесла в могилу, что самое удивительное. Да-а, дураками мы с тобой были. Что называется, прошли крещение огнём. — Олег нервно постукивал пальцами. — Да-а, есть что вспомнить... Так про Любу ты начал, а я тебя перебил!

— Про Любу... Олег, у меня дочку убили. — Это прозвучало как гром среди ясного неба. А отец продолжал: — Обоих девчонок — Веронику вместе с ней.

На лице старого друга застыла гримаса ошеломления — он не сразу заговорил, долго сидел соображал. Затем плеснул себе в стакан, опрокинул, вытер губы.

— Рассказывай как это случилось! — сказал он со всей серьёзностью одновременно вынимая из ящика пачку сигарет — насколько я была в курсе он давно не курил по запрету врачей. Он протянул пачку отцу — оба задымили.

— Следствие — скоро четвёртый месяц пойдёт, как стоит в тупике. Я только хожу пороги обиваю, а толку — ноль. Не пойму, чем они там занимаются... Убийство резонансное: кто-то вломился средь бела дня, когда девчонки обедали... — И отец начал рассказывать историю нашего убийства.

Можно сказать, ничего нового я не услышала. Я косилась на него, то и дело пытаюсь сорваться с места, поправляла в тех местах, где была не согласна, и удивлялась: почему Олег Маратович, который по идее давно должен был провести параллели между двумя историями, до сих пор делал вид, что не понимает о чём идёт речь. Он откровенно удивлялся и поражался. Проклинал убийц, высказывался о них в грубой форме, негодовал: как земля только носит таких тварей... Бил кулаком по столу, намереваясь вмешаться...

— Я обязательно тебе помогу, — произнёс он.

— Да это не ты, а я должен тебе помогать... — Тот вопросительно уставился на друга. Затем мы с Олегом услышали следующее: — Потому что Софка, оказывается, от тебя.

В доме остановилось время. Ничто не шевелилось, кроме языков пламени, которые поглаживали красные поленья. Угольки падали в образовавшиеся пустоты. Кто удивился больше: я или он? Он по-прежнему ничего не понимал, и в то же время он знал всю мою родню... Он четыре в одном: друг нашей семьи, кровный отец, мой убийца, хозяин дома, у которого я нашла пристанище. Кто поможет мне во всём разобраться? Кто поможет мне найти ответы в столь запутанном деле?

Тем временем мой отец, я имею ввиду того, кто воспитывал меня до восемнадцати лет, а потом снова женился и съехал от нас, копался во внутреннем кармане — он достал фотографию, где были я и Вероника, протянул Олегу Маратовичу.

— Софья справа, Ника слева. — Он мог не уточнять, потому как сейчас я заметила поразительное сходство между мной и нашим убийцей. Мы с ним были похожи, как две капли воды, а я всегда считала себя похожей на мать.

Олег тяжело дыша рассматривал снимок, грудная клетка поднималась и опускалась, будто она наполнялась воздухом до предела, но его всё равно не хватало.

— Теперь хоть вспомнил? — уставилась я на него. — Или у тебя напрочь память отшибло?

— Где-то я видел этих девчонок...

— Где-то?! — рывкнула я. — А действительно — где? Поройся в памяти — кого ты приговаривал к смерти в последние... месяца так три?

— Кажется, я вспомнил...

— Да неужели? Ври давай — я и не жду от тебя признания!

— На дороге...

— Офиге-еть... На дороге! — Из меня летела желчь. Я продолжала его ненавидеть, несмотря на открывшееся близкое родство. — Вспомнил? На дороге! Дальше что скажешь?

Он вспотел, вытер ладонью лицо, начал тереть кончиками пальцев у виска.

— У меня с ними вышел конфликт. Вот эта, Ника, была за рулём.

— Ника не водит машину, — перебил отец. Я глянула на него с укором, так как нашей жизнью он последние годы почти не интересовался, зато с уверенностью делал заявления, основанные на устаревших сведениях.

— И всё же эта девушка точно была за рулём. Вторая, Софья, ещё сказала что-то о её беременности... Я не обратил на её слова внимания. У меня нервы стали ни к чёрту, я им там лишнего наговорил.

— Ника точно была беременна, — подтвердил отец. — Вскрытие показало.

— Вскрытие показало! — вскричала я. — Если бы ты почаще звонил нам, то узнал бы об этом не из акта о вскрытии, а от нас! — Я нервно прошлась по комнате с руками, засунутыми в карманы.

— Кто бы мог подумать... Моя дочь... И чего только в жизни не бывает... — задумался Олег Маратович. — Единственная встреча с родной дочерью и при таких обстоятельствах... Зачем я, дурак, наговорил ей всякую мерзость... Я теперь всю жизнь буду об этом жалеть, буду корить себя.

— За то, что мерзость наговорил?! — возмущённо закричала я, вернувшись на место. — А за пулю мне в лоб ты, случайно, себя корить не собираешься? У меня до сих пор тот хлопок в ушах стоит!

— Почему ты раньше молчал? — обратился к отцу Олег. — Всё могло сложиться иначе.

— Присоединяюсь к вопросу! — перевела я взгляд на отца.

— Да я сам узнал только сегодня... От Любы. Я заехал к ней, рассказал, что тебя сегодня встретил. Вижу, мнётся, что-то её терзает, и тут она меня ошаршила... Софка, оказывается, родилась восьмимесячной, а я об этом не знал. Люба с самого начала знала всё, но скрывала, так как Марина строго настрого запретила ей рассказывать, а впоследствии она боялась открывать рот из-за Софкиного характера. Та была полна сюрпризов, и неизвестно во что бы это вылилось.

— А-а-а, вы решили теперь можно — после моей смерти? Уж молчали бы до последнего! Потому что я ведь полна сюрпризов! Вы думали, умерла? — Я изобразила чёрта, выпрыгивающего из табакерки. — Сюрпри-из! Вот она я! Не умерла!

— Люба собиралась и дальше молчать, — рассказывал отец. — А тут, говорит, Софка ей снится начала... И будто подзывает к себе, просит: расскажи, кто мой отец...

— Я ей снилась? Какого хрена! Ни о чём я таком не просила!

Мои эмоции достигли предела. Я рванула к двери, в бешенстве толкнула её, схватив за ручку — оказалась в холле. Затем распахнула двери, ведущие на улицу — влажный ветер ударил мне в лицо. Я стояла на мокрой брусчатке, закрыв глаза, выставив лицо к небу, с запозданием соображая, что мне, наконец, удалось миновать все препятствия. Охладив разбушевавшееся эго, я повернулась к дому — мои отцы стояли в дверях шокированные и напуганные. После того, как я вошла, Олег Маратович с опаской закрыл за мной дверь.

— Сквозняк разыгрался... — пояснил он. — Не обращай внимания. Здесь у нас роза ветров, часто такое бывает, если двери не заперты.

Мужчины вернулись к столу. Хозяин разлил новую порцию, был произнесён тост за упокой Марины, Софьи, Вероники и матери Дениса.

— Что Марина рассказывала о причине нашего разрыва? — поинтересовался Олег.

— Ничего и никогда не говорила про ваш разрыв, сколько бы я не выпрашивал.

— Осуждаешь? — он пристально уставился на гостя.

— Не мне тебя судить.

Я внимательно разглядывала отца — в начале встречи мне не давали нахлынувшие эмоции, теперь же я не сводила с него глаз. Чувствовала, что соскучилась. Может бросить Олегов дворец и к отцу переехать? Я могла бы оберегать его семью: восьмилетнего сына, жену, которую всегда недолюбливала...

— Полагаю, ты не в курсе как было дело... — Олег Маратович откинулся на спинку кресла. — Времена были какими, помнишь? Я серьёзным людям тогда задолжал... Сам удивляюсь: как умудрился остаться в живых. Ну ты помнишь, что тогда творилось... — В его

зубах оказалась сигарета, затем он поискал вокруг зажигалку, встал, подошёл к камину, наклонился и прикурил, подхватив красный уголёк железными щипцами. — Она должна была Веронику от матери забрать и ко мне переехать... — Задымил он. — Мы с ней решили: хватит бедной девочке ютиться в деревне у бабки, она должна жить с матерью. Я согласился принять её и воспитывать, как родную. Но в тот день Марина позвонила и сказала, что Ника приболела. Решили на следующий день отложить переезд. — Он покопался в камине кочергой, подбросил поленьев. — Я не знал, каких ангелов мне благодарить за то, что ребёнок тогда приболел, хотя звучит кощунственно... потому как в тот вечер ко мне нагрянули... Перевернули всё вверх дном — деньги трясли. Меня отмудохали так, что по сей день аукается — таблетки горстями принимаю.

Олег Маратович снова опустил в кресло, пристально наблюдая за реакцией отца. После продолжительного молчания он снова заговорил:

— Со мной было рядом опасно. Я позвонил ей и объявил, что нам придётся расстаться. Не стал ей рассказывать про визит этих, как бы помягче выразится, уродов. Не стал говорить, что меня пытали, прикладывали паяльник... Скрыл, что звоню из больницы — она наоборот бы примчалась. Пришлось сказать ей... — подумал и еле выговорил: — что я другую встретил. — Возникло неловкое молчание. — Чего ты на меня так уставился? Иначе она искала бы со мною встречи, чтобы по нормальному всё обсудить. А я не мог! Да, не мог! Я бы сломался, увидев её... Поэтому уехал как можно скорее, а квартиру выставил на продажу — с долгами надо было рассчитываться.

Мне стало ясно, почему родители никогда не рассказывали об этом человеке — воспоминания о нём приносили боль.

— Я боялся за неё... Да какой из меня на тот момент был семьянин?! — оправдывался Олег. — Я человек амбициозный, авантюрный... Не готов я был тогда. И с тобой наверняка она была счастлива! Со мною — вряд ли...

Олег Маратович задумался, выражение его лица изменилось, стало мечтательным.

— Всегда хотел дочку... — сказал он. — Узнай я об этом раньше — да разве я остался бы в стороне? Во всём бы ей помогал: образование дал хорошее, нужды бы не знала...

Услышав последнее, я ухмыльнулась, вспомнила про «образованного» сынка и про его вечную зависимость от финансов отца. Я, по крайней мере, была свободна и состоялась в своей сфере, а не зависела от кого-либо.

— Фото оставишь? — Олег долго держал его в руках.

— Бери, конечно! — ответил отец.

— Ты теперь поменьше волнуйся... Я это дело так не оставлю, на тормоза спустить не дам. Я все свои силы задействую, никаких средств не пожалею... Все связи... У меня и в МВД есть связи, и в следственном комитете. Мы обязательно найдём тех убийц.

Отец в ответ кивал.

— Ходить далеко не надо! — вмешалась я. — Вот он сидит во всей красе! Даже глазом не моргнёт!

Я осеклась: будь Олег нашим убийцей, тогда зачем он в разговоре упоминал конфликт на дороге — ему наоборот выгоднее молчать, делать вид, что никогда нас не видел и знать не знает. А он давай рассказывать, как обругал нас...

Что-то не вязалось. Меня терзали сомнения, путались мысли — может он настолько самоуверен, или вообразил, что отец пришёл устроить ему проверку, так называемую провокацию, подсунув нашу фотографию? Или хитрец, ведущий собственную игру, делает

вид, будто скрывать ему нечего: да, видел этих девушек... А о главном его не спросят, и он умолчит. Я не знала, где искать правду. Теперь король, оставшийся на шахматной доске, занимал всё моё внимание, он единственный, кто мог пролить свет. Только по правилам шахматной игры король — фигура значимая, но ой какая уязвимая и неповоротливая... И я её скину.

Отца разместили в одной из гостевых комнат. Мне хотелось смотреть на него, как он спит, но, если я оставлю Олега Маратовича без внимания, могу пропустить важные детали. Мы с моим сиамским близнецом закрылись в другой комнате. Он долго пялился на нашу фотографию при свете ночника.

— Ну ничего, девочка моя... Мы их найдём, мы обязательно их найдём... В память о тебе.

Я стояла посреди спальни, глядя на него исподлобья. Мне хотелось крикнуть: сейчас-то чего разыгрывать спектакль? Кого ты пытаешься вводить в заблуждение? С трудом, но я была вынуждена признать, что никого он к нам не засылал. Силы меня покидали — неужели я вот так испоганила жизнь невинному человеку, тем более кровному отцу...

После того, как ночник погас, я тихо прилегла рядом. Я наблюдала всю ночь, как он спит, касалась его плеча. Одна роковая ошибка обернулась серьёзными последствиями. Разрушить легко — собрать сложно.

И Натали уже не вернуть... Я, безусловно, могла задействовать весь свой дар, чтобы она снова здесь очутилась. Я могла подстроить встречу, заселить Олегу мысли, чтобы он на многое закрыл глаза, но прежним отношениям уже не быть. А может я наоборот спасла его? Может он и дальше жил бы в неведении, что пригрел змею на груди? Со временем эта стерва могла бы наворотить того, чего уже не исправить.

То же самое касалось и сына... С моей помощью он наконец повзрослел. Проживание в доме отца тормозило его становление на путь самостоятельности, а теперь, недавние события заставили его многое переосмыслить: птенец вылетел из гнезда. Сейчас я пыталась найти себе оправдание, искала в совершённой мною ошибке некий глубокий смысл.

Стены этого дома стали снедать меня, мне было не место в нём, но я чертовски к нему прикипела. Я вслух обращалась к дому: потерпи ещё немного, мне нужно выяснить, кто причастен к нашей с Вероникой смерти, и я обещаю, что сразу тебя покину. Ты избавишься от меня: жильцы перестанут слышать мой голос и вздрагивать каждый раз, когда я задеваю предметы. Энергетика твоя улучшится — я на это надеюсь.

Несмотря на то, что следующим днём было воскресенье, отец спешил на поезд — у него были частые командировки, в связи с чем отсутствие стабильного графика. Олег Маратович ради него встал пораньше, и они вместе позавтракали. Хозяин сидел за столом в вишнёвом атласном халате, отец — в пуловере горчичного цвета и сером пиджаке. На завтрак нам подали омлет, а так же салат из телятины. Настроение у мужчин вернулось в норму — они припомнили ещё несколько случаев из детства, которые их позабавили. Затем они начали делиться друг с другом достижениями сыновей. Мой восьмилетний братик, которого я до вчерашнего дня считала одинокровным, хорошо учился и увлекался игрой на синтезаторе, за него не надо было краснеть. Олегу Маратовичу сперва нечем было похвастаться, но тут он вспомнил, что Денис, едва сделав первые шаги, уже научился определять марки машин, стоило показать эмблему. Великое достижение за двадцать шесть лет — научиться разбираться в марках, подумала я, вспомнив Дениса.

Провожал Олег Маратович отца без меня — я наблюдала в окно, как они беседуют о

чём-то на парковке. Отец что-то написал на клочке бумаги, Олег засунул её себе в карман. Ближе к полудню я наблюдала, как Олег вызванивает знакомых, пытаюсь навести справки по делу об убийстве сестёр. Он выяснил, что дело относится к так называемым виснякам. Ему там что-то наобещали. Затем он договорился с человеком из сысского агентства о встрече.

После обеда мы выдвинулись с ним в город. Я недоумевала, почему мы поехали не прямо, как обычно, а свернули по кольцу на окружную трассу. Спустя несколько километров водитель сбавил скорость и съехал на дорогу по указателю «кладбище». Я тут же всё поняла, напряглась: несмотря на всю мою смелость, полученную в результате перехода в параллельный мир, меня затрясло в ожидании зрелища, которое мне предстояло увидеть. Я не была готова к знакомству с собственной могилой, обставленной венками и прочим.

Водитель заглянул в сторожку: предъявил смотрителю тот самый клочок бумаги и «угостил» купюрой. Смотритель повёл нас через всё кладбище в самую даль, к заветному месту, указал на конкретную могилу, где стояло два свежих деревянных креста. Олег Маратович подошёл первым, обернулся на водителя, попросил оставить его одного.

Мы с ним долго молчали, разглядывая улыбающиеся лица двух сестёр — никогда бы не подумала, что момент, снятый Катей, нашей двоюродной, украсит моё надгробие. Помню, мы тогда запланировали поход в пиццерию, и я начала забавы ради позировать возле литой скульптуры пирата с попугаем на плече. На моей шее было новое ожерелье из чёрных сцепленных квадратов, которое я одевала всего один раз.

— Ну вот мы и встретились, девочка моя, — вдруг заговорил Олег. — Жаль, что вот так...

Я перестала себя разглядывать и повернулась к нему.

— Ты сильно на меня похожа... И характер у тебя весь в меня. Должен сказать, что мой характер врагу не пожелаешь. Вот кретин — наорал на тебя, моя дурацкая вспыльчивость! Не удаётся мне держать себя в руках, не знаю, что с этим делать... Что же с вами случилось... Кто же вас так? — Он произносил мысли вслух, будто надеялся услышать подсказку, думал, будто здесь ему откроется... — Ну ничего... Скоро выясню кто. Обязательно выясню, чего бы это не стоило.

Последние сомнения рассеялись: здесь некому было лгать, не с кем вести игру. Моя заурядная жизнь стала для меня главной загадкой, так как после исключения Олега из подозреваемых больше таковых не осталось. Я и представления не имела, кто мог нас убить. А самым необъяснимым был заказной метод — подосланный профи должно быть дорого стоил, не чета Эдику, напортачившего в несложной схеме: мы-то с сестрой бодрствовали и ключей от квартиры никому не давали... кроме Кати.

Катя... Стоп! Как же я про неё забыла... С кем она могла связаться? Постой, постой, шептала я, обращаясь к себе самой, а если дело в её парне? Боже, как всё запутано... Ну причём здесь мы? Чем мы ему мешали? Из нашей квартиры даже ничего не украли. Я могла бы понять, если бы от нас требовалась какая-то вещь, какая-то информация, как, например, Денискин телефон со снимками блюда с мачехой... Но из нашей квартиры ничего не взяли, а значит целью были именно мы. Впрочем, Катю можно было заподозрить ровно настолько, насколько любого другого из нашего окружения. С тем же успехом я могла приплести сюда отца, его жену... и всех остальных, кто нас знал.

Олег Маратович заботливо поправил накренившийся веночек, я взглянула на родителя с благодарностью. Затем он постоял ещё немного и направился к выходу. Я разглядывала его спину в сером пальто, испытывая к нему жалость — больше, чем к нам с Вероникой.

Дальнейшие дни он раздавал работу всем, кто мог пролить свет на нашу историю. Заработали детективы. Знакомый прокурор в дело лезть отказался: в личной беседе с Олегом Маратовичем он сослался на давление свыше, причём сообщил об этом чисто по дружбе, добавив: «только я тебе ничего не говорил». Я почувствовала себя значимой персоной — какая бурная деятельность творилась вокруг нас, маленьких женщин. Тут я покосилась с подозрением на новоявленного отца — не в нём ли дело? А если нас убили из-за него? И эта версия была слаба, притянута за уши.

Иногда я увязывалась за теми, с кем он встречался, кто вёл себя довольно-таки подозрительно. Я проводила денёк-другой дома у этих людей, слушала разговоры... В связи с отлучками пропускала важную информацию, параллельно собираемую Олегом. Я задержалась возле одной особы, полагая, что она утаивает ценные сведения — напрасно потратила на неё время. А когда вернулась, попала к оглашению Олегом собранной информации. В особняке снова появился отец, и он приготовился слушать: какие разгадки смог накопать его давний друг.

— Ситуация такова... — начал Олег Маратович, — руки у нас с тобой коротки! ...чтобы наказать того, кто это сделал.

— Даже у тебя? — отец выпалил машинально, переоценивая влияние друга.

— Даже у меня, — признал Олег.

Снова трещал камин, языки пламени умиротворяли. Гость завалился на спинку кресла, поднял подбородок, упёрся затылком. Со стороны казалось, будто бы он расслабился, но то была скорее поза отчаяния.

— Вот оно как... — задумчиво произнёс он. — И какой важной птице девочки перешли дорогу? Во что они ввязались?

Олег Маратович выложил перед собой нашу фотографию.

— Что ты можешь сказать о Веронике? — спросил он, глядя на снимок. Услышав отец быстро собрался и наклонился ближе. Ответом был опешивший взгляд. — Наша Софья здесь ни при чём... — продолжал Олег, — её убрали как ненужного свидетеля, а дело касается Вероники.

— Рассказывай дальше!

— Знаешь от кого она забеременела?

Мы с отцом снова открыли рты и уставились на Олега.

— От сына Маенкова, — сообщил тот.

Отец начал вспоминать, затем прищёлкнул пальцами, давая понять, что догадался о ком идёт речь.

— Да, того самого Маенкова, — продолжал старый друг. — Вероника была с ним в близких отношениях. Разве Софья тебе об этом ничего не рассказывала?

— Ну она говорила: у Ники есть бойфренд... А что за бойфренд... — Отец пожал плечами. — Ника нам его ни разу не показывала, говорила, будто бы он пока не готов знакомиться. Из-за чего Софка психовала, утверждала, что сестра напрасно тратит на него время, и он всё равно на ней не женится.

— Там ни о какой женитьбе и речи быть не могло. Родители на тот момент уже подобрали ему подходящую кандидатуру — он как раз собирался жениться на дочке Чигаркина... Да, того самого Чигаркина, думаю ты понял. Ты уже собрал всё воедино?

Отец закрыл ладонью лицо, провёл ею, будто умылся, стиснул кулаки, а тем временем друг продолжал вносить дальнейшую ясность:

— Вероника была старше его на восемь лет, из простой семьи... Ты знаешь какие надежды возлагались на брак Маенкова с Чигаркиной? Большие надежды. А тут им кто-то стукнул про его похождения и про беременность, как результат. Беременность явно для них нежелательную — и вообще... Зачем Чигаркиным лишний наследник? Веронику предупреждали, ей угрожали, но она просто вцепилась в этого ребёнка, она не собиралась от него избавляться.

Оказывается, я совсем не знала сестру. Как в народе говорят: в тихом омуте черти водятся. Стало понятно, что подарки от известных брэндов, подаренные бойфрендом, были оригиналами, а не китайской подделкой, как уверяла Ника. Я чувствовала: с ней происходило что-то неладное, задавала вопросы — слышала в ответ одно и то же: всё хорошо, нам не о чем беспокоиться.

Плюс ко всему у меня возникли подозрения, будто она вообще ничего не сказала этому Маенкову о том, что ждёт от него ребёнка. Я допытывала, а она: буду рожать для себя. Но его отец тоже должен принимать участие, кричала я. Только зря сотрясала воздух — Вероника была себе на уме, видимо, заранее знала, как его семейство отреагирует на эту новость.

Мне припомнился случай, когда я вошла, застав Веронику с телефоном под ухом. «Не надо мне угрожать!» — твёрдо произнесла она и отключилась, а на мои расспросы ответила: «Начальница бесится, грозится повесить на меня недостачу». Я совсем не знала Веронику, проживая с ней в одной квартире бок о бок.

— Надо сообщить в полицию, — внёс предложение мой отец. — Надо рассказать, кто заказчик убийства!

— И на основании чего мы сделаем такое заявление? — скептически взглянул на него Олег Маратович. — То, что ты сейчас услышал — об этом шепчутся в кулуарах, а доказательств — ноль. Там уже давно всё подчищено, подмазано. Нас и слушать никто не станет. Чигаркин — лучший друг прокурора области, а его сват Маенков — двоюродный брат губернатора.

Олег Маратович злился не меньше моего отца. Я видела, как выступают вены на его висках, пальцы нервно барабанят по столу.

— Уже гремела одна такая история... — продолжал он. — Помнишь, Круцкой был застрелен? Предприниматель. Ну во-от... Тут к гадалке не ходи... Все знали: убрал его Чигаркин, вне всяких сомнений, и что? Его привлекли к ответственности?

Олег вскочил с места, прошёлся по комнате — в нём всё кипело, затем подошёл к отцу и склонился над ним.

— Не вздумай лезть в это дело! — предупредил он. — Я тебе настоятельно советую, как другу...

Я внимательно разглядывала на фото Веронику, пыталась представить её рядом с племянником губернатора и совершенно не удивлялась его выбору: Вероника была такой нежной и женственной... Одевалась со вкусом. Многие обращали на неё внимание: куда бы мы не пришли, к ней сразу начинали подкатывать. Но она всегда была неприступна — такая гордая, и в то же время изящная, с красивыми манерами. Что ж ей так не везло с парнями — сперва достался один козёл, промучивший её в браке, затем другой — богатенький, но роковой. И где она могла с ним познакомиться? Где попала на глаза? Да она и не бывает в таких местах, где тусуются мажоры.

Мы никогда не узнаем, она унесла эту тайну с собой в могилу. Я буду её навещать по

мере свободного времени — видела, где она захоронена. Моя могила ничего не значила для меня, сложно было представить, что внутри — я же здесь, я продолжаю путешествовать по жизни. В мире много чего интересного, куда бы я хотела заглянуть из чистого любопытства, приподняв завесу. Всегда хотела увидеть, как хирурги проводят операцию... К примеру, по пересадке сердца. Обязательно как-нибудь побываю на экскурсии в операционной.

В часы пик на улицах всегда полно людей — я желала бы выбрать из толпы кого-то особенного и проследить за ним, посмотреть где он живёт, с кем он живёт, какие тайны его окружают. Или хотела бы выбрать наугад многоэтажный дом, затем первый попавшийся подъезд, затем квартиру, которая приглянется мне дверью... Проникла бы туда. Интересно узнать — какой там интерьер, чем занимаются жильцы...

Мне нравится бродить по проспекту, с которым меня связывает множество воспоминаний. В мае здесь особенно красиво: погода наладилась, самое время для распускания махровой сирени, растущей между деревянными скамейками. Голуби воркуют. Гуляют пары — лица у них по-весеннему светящиеся. Вижу себя в отражении витрины, останавливаюсь. Мне надоела моя рубашка и голубые джинсы — надоело ходить в одном и том же. Запрыгиваю на выступ фундамента, обложенный фасадной плиткой — моё отражение в стекле совместилось с манекеном. Теперь я наглядно представляю себя одетой в красную кожаную куртку и серое трикотажное платье.

Я убиваю время и жду, пока госпожа Чигаркина закончит процедуры у косметолога. Сегодня у меня намечено важное дело. Я уже достигла значимых результатов: брак, на который возлагались большие надежды потерпел крах, правда об этом пока официально не объявлено — дело за малым. Господин Евгений Чигаркин по зиме перевернулся на квадроцикле: управлял в нетрезвом виде — все так считают, кроме меня. Ему потребуется длительное восстановление и ещё несколько операций в области двойного перелома. Думаю, операции будут такими же неудачными, как и предыдущие. Он собирается продолжить лечение в германской клинике — это значит, что скоро мне предстоит поездка в Германию.

Подъехала машина. Жена Чигаркина сейчас появится — дама в чёрных очках, строгая и высокомерная. Нам с ней сегодня нужно обстригать дельце, надеюсь она не подведёт — хочу холодную войну между Маенковыми и Чигаркиными превратить в кровавую бойню. Есть на этот счёт кое-какие мыслишки. Так же в моих планах некоторые корректировки касаются лондонской учёбы Чигаркиной-младшей — завтра её вылет в Лондон и сдаётся мне, что он не состоится. Дама в чёрных очках села в машину. Я вскарабкалась на крышу, в отсутствие рейлингов уцепилась за небольшие выступы над стеклом — мне этого хватит.

С момента моего знакомства с этой семьёй им пришлось менять место проживания трижды. На днях новый дом Чигаркиных посетила экстрасенс — специалист по тонким телам, сверкающая перстнями, наша старая знакомая. В новом доме оказалось также что-то не ладно, присутствует некая тёмная активность — её источник находится в винном погребе и требует тщательной финансово затратной прочистки. Энергетической, конечно. Кстати, ни разу туда не спускалась, в этот погреб.

Любые двери теперь мне поддавались без труда, при желании я вступала в контакт и с другими предметами. Я невозмутимо и бесцеремонно лазила по шкафам, открывала ящики, перебирала документы... Знала коды от сейфов — хозяйничала и в них. Я подбрасывала компроматы, воровала ценные вещи, чтобы позлить. Развешанные повсюду камеры всегда ломались, как только я приступала к делу. Если в доме завелась я, о покое можно было уже не мечтать — место приобретало дурную славу.

Как вы думаете, кто управляет вашими преступными помыслами? Такие как я.

Мне не приходилось сталкиваться с другими умершими, нащёптывающими и подталкивающими на мерзкое дело, но думаю они находятся рядом с каждым, кто их заслужил.

Надо будет как-нибудь навестить Олега Маратовича и брата Дэна, узнать всё ли у них в порядке. Мои новые родственники стали замечать, будто кто-то им помогает, некий ангел-хранитель, правда, почему-то они считают, что поддержка исходит от мамы Дениса.

Квартиру, в которой убили нас с Вероникой, недавно продали по сниженной цене — иногда я туда наведываюсь, чтобы освежить в памяти былые времена, хотя зарекалась здесь больше не появляться. Но мне пора перестать это делать — новая хозяйка до смерти испугалась, увидев в зеркале отражение девушки в голубых джинсах и полосатой рубашке...